

Тяжёлая реальность

Клетка

Усманов Х.

Хайдарали Усманов

Тяжёлая реальность. Клетка

«Автор»

2025

Усманов Х.

Тяжёлая реальность. Клетка / Х. Усманов — «Автор», 2025

Все предполагают, что магия и технологии не совместимы. Но что произойдёт, если вдруг те самые мифические и сказочные расы сумеют объединить магию и технологии и смогут выйти в космос? И произойдёт это в мире, в котором нет людей. Ведь чаще всего именно люди и являются тем самым фактором, который приводит к краху такие цивилизации. И вот именно в этот момент в этот мир вторгнется человек. Который попадёт в этот мир совершенно случайно, и не по собственной воле. Каково ему будет выживать в мире, где он всего лишь чужак – одиночка? Это и предстоит выяснить.

© Усманов Х., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Вместо благодарности	5
Начало приключений	8
Странные находки	26
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Хайдарали Усманов

Тяжёлая реальность. Клетка

Вместо благодарности

Он медленно вынырнул из темноты беспомощности, как будто плыл через густое, вязкое молоко сна, и каждая секунда отдавалась в мышцах мелкой дрожью. Казалось, что кто-то пустил в него тонкие серебряные струйки электричества и они теперь играли в его жилах, перекачивались с плеча на локоть, с колена на пятку. Тело не слушалось – оно больше напоминало чужое, деревянное, и только редкие вспышки боли подсказывали, что он ещё жив.

Изо всех сил он хотел открыть глаза, но веки казались тяжелее камня. В конце концов удалось – и первое, что он увидел, был блеск. Металл. Серый, холодный, словно выточенный не людьми, а самим космосом. Он не знал слова "корабль", он не знал ещё, где находится – но нутром почувствовал, что окружающие его стены не живые, не каменные, не... Земляные... Ему сейчас казалось, что они пели. Если прислушаться. Тихо-тихо. Как гул подземных рек.

Кирилл медленно вдохнул – и удивился. Воздух был слишком ровным, без запаха земли, без пыли, без костра, даже без той затхлости, которая всегда жила в пещерах. Он был чист, как будто вымыт дождём и вытерт невидимыми руками. Этот воздух был неправильным.

Сначала он попытался слегка шевельнуться, но по телу прокатились разряды – будто тысячи крошечных змей впились в нервы, жала, играя, издеваясь. Сердце резко заколотилось. Он не понимал, почему боль не проходит. Удар тем странным излучением, которое заставило его начать биться в нервных спазмах, всё ещё держал его в своих лапах, словно сам воздух был натянутой сетью, готовой сжечь его снова.

И тогда он вспомнил – как небо внезапно раскололось грохотом, как тень пронеслась над ним и эльфийкой. Она была рядом, такая лёгкая, хрупкая, её волосы сверкали от света заката, когда он толкал её вперёд, прочь из открытого пространства... И вдруг – удар. Воздух разорвался белым пламенем, тело закричало, но не голосом, а каждой жилой, каждой клеткой. Потом тьма.

Теперь – металл. Стены, словно чешуя гиганта. И свет – не от факела, не от лампы, а от чего-то иного. Мягкий, рассеянный, но в нём жила чужая магия. Она скользила вдоль прутьев клетки, обнимала их, как невидимые руки. Кирилл чувствовал её спиной, как холодное дыхание, и понимал – это не та магия, что он знал в лесах. Здесь она была приручена, сращена с металлом, сделана послушной, но от того ещё страшней. Он попытался найти своё дыхание – медленное, ровное.

"Я жив, – подумал он. – Но где я?"

И в этом "где" звучало всё. И холод... И дрожь в мышцах... И даже определённый страх, напрямую связанный с тем, что эльфийка осталась одна.

Кирилл снова попробовал шевельнуть пальцами – сперва только рукой, самой ближней к телу, но пальцы словно налились свинцом. Они дернулись, один, второй, третий – будто кто-то пробуждался после долгой зимы. Нервы отзывались колючими вспышками, словно огненные искры пробегали под кожей.

Он немного нервно сжал зубы и попробовал подтянуть колено. Дрожь прошла по телу, голова закачалась, и металлический пол вдруг показался зыбким, как вода. Он почувствовал, как холод от этого пола впитывается в кожу, пробирается внутрь, и стало неудобно, как будто он лежал на груди огромного зверя, спящего, но живого.

Наконец он сделал усилие – и всё же сел. Голова парня слегка закружилась, и в этот миг он впервые услышал. Звук. Он не был похож на шум ветра или треск костра. Это было

ритмичное, тяжёлое биение. Тук. Пауза. Тук. Оно не спешило, оно было упрямым и ровным, как дыхание чего-то гигантского. Кирилл подумал:

"Сердце".

И тут же понял, что этот звук исходил не от него. Это своеобразное и явно чужое сердце билось вокруг него. Звук его биения проходил прямо сквозь стены, вибрировал в костях. Он поднял глаза.

Его окружал металл. Везде металл. Но он был не мёртвым, не просто кусками серого. Он дышал вместе с этим звуком. Казалось, стены слегка шевелятся в такт – и от этого комната превращалась в грудную клетку невиданного существа, а он сам – пленник, запертый внутри его рёбер. И тогда он заметил линии.

Тонкие, светящиеся, будто нарисованные огнём. Они ползли по стенам, по полу, по самым прутьям клетки. Некоторые – ровные, строгие, как следы резца. Другие – извивались, петляли, создавая узоры, похожие на знаки, на письмена, но слишком чужие, чтобы их понять. Они пересекались, соединялись, разгорались и снова тускнели. Кирилл поймал себя на мысли, что эти линии – как реки на карте, что он видел однажды у странствующего учёного. Только это были реки света.

Он протянул руку. Кончики пальцев дрожали, но он почти коснулся ближайшей линии на пруте клетки. В тот миг, когда кожа встретилась с холодом металла, внутри него словно вспыхнула чужая искра. Ему показалось, что кто-то другой смотрит на него через этот узор, дышит им. Он отдёргнул руку, будто обжёгшись.

Звуки вокруг продолжали своё медленное, неизбежное биение. Тук. Пауза. Тук. И вместе с ним линии едва заметно пульсировали, будто это они и были венами того огромного сердца.

Некоторое время Кирилл сидел, обняв себя руками, и чувствовал – он не просто в клетке. Он внутри чего-то живого. И это "что-то" явно уже понимало, что он проснулся.

Он сидел, прижав ноги к груди, и слушал – слушал, как по узорам света текут не слова, а волны значения. Первое, что всплыло в его голове, не было речью. Это было ощущение – как будто кто-то осторожно потрогал его ладонь, оставив на коже отпечаток тепла и соли. Потом звук стал сложнее. В нём появились интонации, короткие, как вздохи, длинные, как тяга трубы. Это был не голос, каким он знал голоса людей. Это был голос вещей – голос, что умеет думать в рисунках.

Сейчас он слышал его сначала как шёпот в пустых ведёрках, как эхо далёкого колокола, ударяющегося о небо. Потом ощущение перешло в тело. В висках пульсировало... В зубах чувствовалось что-то вяжущее как от хурмы... В груди билось маленьким, чужим сердцем. Линии на металле, те тонкие, светящиеся жилы, задрожали и зажевали, будто кто-то начал плести на прутьях клетки простую, но упрямую песню.

Песня была не о числе и не о звёздах – она была о дороге. Кирилл увидел – не глазами, а так, как видит сонный мальчик в полудреме. Тропа, вросшая в траву, как линия ветра, и лиственницы, стоящие как исполинские свечи. Был запах сырого мха, и где-то вдали звякнул нож по камню. Он почувствовал, как эта дорога тянется – туда, где он в последний раз толкал эльфийку через просеку, где их тени переплелись с полднем и где над головой разорвалось небо.

Голос корабля был хитрее. Он не произнёс слово "где", но песня несла вопрос – мягкий, почти детский, как если бы кто-то спросил, не забыли ли они его. И в этом вопросе проскочило ещё одно – тепло и опасность вместе: "Кто разбудил меня?" – и "Ты в теле моего ребра". Кирилл ощутил, как внутри прутьев клетки свет вспыхнул, образуя узор, похожий на отпечаток ладони. Эта ладонь словно накрыла его плечо, не жёлобом железа, а прикосновением.

Он попытался откликнуться. Голос не был устроен, чтобы отвечать словами, но можно было плести обратную нить – жест, звук, мельчайшее движение. Кирилл извлёк из себя первый скрипучий звук – не слово, а кашель, как когда запираешься в сарае и вдыхаешь пыль. Это было

мало, но линии тут же отозвались. Пунктирный свет прошёл по прутьям, как будто кто-то по ним постукивал, и в его голове вспыхнули новые образы – короткая картинка. Большая клетка, и в ней – маленькая фигура с узкими ушами, с плащом, который она медленно выправлял на плечах. Сердце в груди Кирилла подпрыгнуло. Эльфийка. Её образ был как стрелка на карте, он указывал направление, и в ответ корабль послал мягкий, тёплый импульс – не приказ, а обещание.

Голос не говорил “освобожу” и не говорил “уберу”. Он говорил иначе. Он показывал структуру, как преподаватель показывает нити на ткани, чтобы ученик понял узор. Линии, попеременно замирая и пульсируя, вырисовывали путь – тонкий, блестящий, как жилка насекомого. Иногда узор всплывал как знак. Круг и разлом – и Кирилл прочитал в нём то, что знали его пальцы давно в другом мире. Дверь на петлях, запёртую на замок, и рядом – рычаг, что поворачивается против течения.

Он понял, что корабль не просто видел – он помнил. В его голосе были остатки голосов других. Шепот старой женщины... Смех мальчика, который разбивал звёзды камешками... Скрип старого мотора, пахнущий маслом... Всё это смешалось в том шёпоте, который теперь становился всё яснее, что именно там, где линии соединялись, он чувствовал приказ и заботу одновременно – как если бы гигантская мать кормила котёнка и одновременно учила его ходить.

Потом Кирилл ощутил, как к нему вернулась часть возможностей движения. Пальцы больше не были налиты тяжёлым свинцом. Они дрогнули, зачесались, и изнутри прутков металла, что его окружал, пришёл слабый электрический отклик, как лёгкий укол. Возможно, это был знак того, что даже сам этот корабль зафиксировал его попытку жить. Он потянулся за прутьями, и в этот миг свет тех самых магических узоров выстроил перед ним картинку коридора. Металлические ребра... Лампы, в которых мерцала магическая ртуть... И дверь, внизу которой текла тёмная полоска... Казалось, что сам корабль показывает ему ту часть, где раньше держали пленников.

И в тоне шёпота вдруг возникла новизна – не в словах, а в настроении. Любопытство. Это было словно взгляд младенца, который впервые видит птицу и не знает, назвать ли её другом или добычей.

“Кто ты?” – Спросил корабль не словами, а вибрацией в груди Кирилла. И Кирилл, слабым, почти неслышным шёпотом, ответил так, как мог. Не именем... Он ещё не знал своего положения в этом месте. А куском памяти:

“Я вёл её через лес. Я – тот, кто фактически спасал её.”

Линии магии вспыхнули, и свет прошёл по прутьям, как по струнной гитаре. На мгновение казалось, что весь корабль принял эту правду и тихо улыбнулся. Тусклый, металлический огонёк внутри клетки отразил в своих бликах лицо Кирилла – усталое, покрытое пылью и кожей, но живое. И где-то далеко, за металлическими рёбрами, биение стало сильнее. Не угрожающе. А просто потому, что теперь внутри него было ещё одно сердце, которое билось и дышало, и слушало.

Гул корабля становился фоном, размеренным, как капли дождя за окном в детстве. И, вслушиваясь в этот странный сердечный стук металла и магии, Кирилл ощутил, как память начинает распаковываться – не резким рывком, а медленным, болезненным разворачиванием клубка.

Начало приключений

Он помнил, как всё начиналось. Это был вечер. Самый обычный. После работы он вышел из здания, где всё ещё гудели сервера, пахло пылью из системных блоков и кофе, который накапливался в кружках так же, как ошибки в отчётах. Он был уставший до тупости – такой усталости, когда мозг не думает, а только повторяет одну мысль:

“Домой. Просто домой.”

Ночной парк лежал на его пути. Кирилл любил эти тёмные дорожки. В них было что-то от отключённого монитора. Пустота. Где ничего не требовали. Ничего не зависало и не сыпалось ошибками. Ветер качал фонари, и их свет шёл пятнами – как курсор, бегущий по экрану. Он шагал, в руках рюкзак, в голове – всё та же бесконечная вереница задач. Кто-то не сдал отчёт... Кто-то опять сломал базу... Сервер “лёт” в самый неподходящий момент... Мир казался ему отлаженной системой, которая упорно разваливалась, а он – системный администратор и аналитик в одном лице – был вынужден подпирать её плечами.

И вот тогда, среди деревьев, случилось то, что не вписывалось ни в какие логики. Воздух впереди дрогнул. Как бывает, когда на экране появляется артефакт – полоса битых пикселей, изломанность картинки. Только это было не изображение, а сама реальность. Линии дорожки вдруг смазались, фонари дрогнули, будто кто-то перетянул кабель питания, и прямо перед ним открылся проход. Не дверь – слишком зыбко для двери. Не окно – слишком темно и глубоко. Это был провал... Туннель, подсвеченный изнутри чем-то неясным...

Он остановился. Его сугубо прагматичный ум тут же выдал десятки объяснений всему этому. Сон... Перегрузка... Галлюцинация... Но его уставшие ноги шагнули вперёд сами. Может, от усталости... Может, потому что подсознание давно хотело вырваться... Всё это уже было не суть важно. Он вошёл в открывшееся ему пространство.

И мир рухнул... Он не падал... Он плыл... Цвета складывались в геометрию, линии вились, как кабели внутри серверной, только эти кабели были сделаны из света. И всё это вращалось, пульсировало, искажалось. Где-то на краю сознания мелькнула мысль:

“Протоколы миграции. Это как перенести систему на новую платформу, только с телом.”

Он усмехнулся – и в тот миг его втянуло. А потом был лес. Небо, слишком близкое и яркое. Воздух, густой, пахнувший смолой. И самое страшное – магия. Он увидел её сразу, хотя раньше считал всё это детским бредом. Она была в траве, в листьях, в самой почве – искривлённой, жуткой энергией, которая шла, как ток по повреждённым проводам. Она жила. И именно эта жизнь пугала больше всего. Привычных ему алгоритмов здесь не было, всё текло, менялось, извивалось по законам, которым он не верил.

В первый раз он понял, что его логика, его прагматичность здесь бесполезны. Всё было перекручено. Здесь можно было зажечь факел словом, но слово оборачивалось пламенем, способным спалить целую поляну. Здесь травинка могла вырасти за секунду и пробить камень, но тут же погибнуть от случайного шёпота ветра. Мир жил сам по себе, не спрашивая человека, нужен ли он ему.

И в этом мире он оказался – обычный системный администратор, привыкший к таблицам, отчётам, кабелям и серверам. Человек, который знал, что если программа “упала” – её можно перезапустить. Но здесь ничего не перезапускалось. Здесь падало – и оставалось падшим.

Сейчас, сидя в металлической клетке, окружённый магией, что светилась в линиях и венах корабля, Кирилл чувствовал, как память и настоящее переплетаются. Там, в парке, он переступил через грань. А теперь, кажется, переступил ещё через одну.

Когда свет портала иссяк, и Кирилл вывалился наружу, парень сперва подумал, что упал где-то... В горах... Под его ногами был голый камень. Шероховатый, сырой. Но уже через мгновение он понял, что это было совсем не те горы, которые он вообще мог знать.

Скалы вокруг были кривыми, словно нарисованными детской рукой. Их грани не сходились, вершины ломались в воздухе, будто кто-то подёргал их за невидимые нити. Сначала он списал всё на усталость, на странное головокружение – но тогда он заметил воду. Тонкий ручей струился по каменной расщелине, но не вниз, не туда, где логично было бы ожидать появления его русла. Он тек вверх, медленно, упрямо, капли отрывались от камня и ползли в небо, искрясь в чужом свете. Кирилл застыл, сглотнул, потер глаза.

“Точно галлюцинация! – Подумал он. – Это просто нервное. Я спал всего три часа, работал почти шестнадцать. Мозг перегрелся.”

Слегка растерянно он шагнул вперёд – и камень тут же отозвался на это движение. Один из обломков, что валялся у его ботинка, вдруг дрогнул и завис над землёй. Поднялся на высоту его пояса и замер, вращаясь, как спутник вокруг невидимой оси. Кирилл отпрянул, ударился плечом о скалу и тут же почувствовал, что она теплее, чем должна быть. Камень будто жил, тёплый, влажный, как кожа.

Он поднял голову и увидел, что некоторые глыбы вообще не касаются земли. Целые выступы нависали, как облака, вися в пустоте. Казалось, невидимые руки держали их за края. В голове парня тут же вспыхнули обрывки мыслей – не связных, а отчаянных.

“Гравитация. Закон Ньютона. Течение воды. Всё это – основы. Это нельзя переписать.”

Но окружающий его мир, судя по всему, всё переписывал. С лёгкостью. И даже с какой-то насмешкой. Он чувствовал, как почва под ногами будто дышит, и не знал, стоит ли доверять даже самому воздуху.

“Я сошёл с ума. – Промелькнуло в его голове. – Никакого портала не было. Я просто сломался. Переработался, вот и всё. Сажу сейчас в офисе, наверное, на стуле, перед монитором. А это...”

Он провёл рукой по воздуху, в котором зависала россыпь капель, и пальцы прошли сквозь холодные жемчужины воды, что упорно ползли вверх.

“А это галлюцинация. Картинка, которую мозг выдал на экран перед смертью.” – Он сел на камень, обхватил голову руками. Сердце билось слишком быстро, в ушах шумело. Но шум не исчезал, наоборот – в нём был ритм, чужой, странный, будто сам мир шептал:

“Это не твоя Земля. Не твои законы. Привыкай.”

И тогда он понял самое страшное. Если это и был сон, то слишком вязкий, слишком плотный, чтобы проснуться.

Немного погодя он уже сидел, уткнувшись в ладони, стараясь выровнять дыхание. И вдруг заметил – из-под ног, из мелкой трещины в камне, сочится свет. И это был не огонь... Не привычное ему электричество... Это был мягкий, тягучий свет – словно мёд, только жидкий, и он не лился, а будто медленно проступал, насыщал камень изнутри. Кирилл поднял голову и увидел, что вокруг него отнюдь не одна трещина сияет этим светом. Вся поверхность скал была исполосована линиями – тонкими, светящимися прожилками, похожими на капилляры в теле.

Осознав это, он замер на месте. Свет не был хаотичным. Он тек, он соединялся. Линии вспыхивали и гасли, и через несколько секунд он уловил, что это всё не случайность. Узоры собирались. Перед его глазами возникли формы. Круг... Затем спираль... Потом пересечение прямых, словно график... И в этом графике что-то было – от того, что он видел на мониторах, когда анализировал массивы данных. Никакой мистики – просто повторяющийся рисунок, который не может быть случайным

Кирилл зажмурился, потом снова открыл глаза. Линии горели тише, но стоило ему сконцентрироваться, они начинали складываться в новый узор. Словно кто-то проверял:

“Понимаешь ли ты меня?”

– Это не галлюцинации. – Сказал он хрипло. – Это какой-то чужой... Язык...

Слова прозвучали так уверенно, что сам Кирилл вздрогнул. Язык. Алгоритм. Взаимосвязь. Он привычно начал разбирать то, что видел перед собой. Вот линия вспыхивает каждые пять секунд... Вот эта – только когда рядом усиливается свечение другой... Зависимость? Условие “если-то”? Он мысленно нарисовал таблицу. Столбец триггеров... Столбец откликов... И чем дольше он наблюдал, тем яснее становилась закономерность.

Но когда он уже почти убедил себя, что это обычная система сигналов, линии вдруг изменились. Они сошлись в точку прямо перед ним. Из десятков прожилок собрался узор, похожий на глаз. Огромный, беззрачковый, сделанный только из света. И этот глаз смотрел на него.

Кирилл замер, горло пересохло. Первая мысль снова была о том, что всё это бред и галлюцинация. Вторая – интерфейс.

“Это интерфейс. Кто-то меня проверяет. Неужели была задействована система общения?”

Он даже усмехнулся сквозь страх – устало, и даже немного нервно. Конечно, мозг программиста не мог объяснить себе “глаз из света” иначе. Кроме как действующим интерфейсом.

– Ладно... – Глухо пробормотал он. – Допустим, что всё это – не шиза. Допустим, это диалог. Если так, значит, мне нужно найти входные и выходные параметры.

Он протянул руку и провёл пальцем по камню рядом с линией. Та дрогнула, чуть ярче вспыхнула, и где-то дальше, на соседней скале, откликнулся другой узор – словно волна.

“Связь. Подтверждение. Вход и выход сигнала.”

Сердце парня билось всё быстрее. Он начал экспериментировать. Касался линии коротко – и на соседнем склоне вспыхивал короткий импульс. Проводил медленно – там же загоралась длинная полоса. Словно он стучал по клавишам, а система отдавала отклик. В какой-то момент линии сложились в прямоугольник. Кирилл невольно подумал о мониторе. Смешно, нелепо – монитор на отвесной скале. Но прямоугольник не исчез. Внутри него начали выстраиваться новые узоры, будто кто-то на том конце решил:

“Хорошо. Ты понял основы. Держи следующий уровень.”

Он вдруг ощутил дрожь – не от холода, а от того, что этот чужой, страшный мир впервые заговорил с ним на понятном языке. Пусть и светом вместо цифр, узорами вместо букв, но это был язык.

“Я могу понять. Я могу нащупать взаимосвязь.” – Мелькнуло в голове парня. И Кирилл впервые за всё это время перестал бояться. Внутри него что-то щёлкнуло. Точно так же, как когда удаётся запустить упавший сервер после долгой ночи усиленного труда над его “бездыханным” телом. Да. Мир вокруг рушил привычные парню законы физики. Но если в нём есть хоть какая-то система, то значит, его можно считать. И он решился. Этот “глаз из света” он не просто примет – он попробует ответить.

Кирилл долго стоял напротив этих линий – светлых жил, тянущихся в камне, будто кто-то когда-то выцарапал их не рукой, а самым дыханием звезды. Они мерцали, складывались в петли, пересекались, гасли, вновь вспыхивали. Он пытался уловить ритм. Словно в них был код, алгоритм, замкнутый цикл. Его голова, привыкшая к таблицам, логам, зависимым системам и сетям, невольно начинала считать.

“Если эта вспышка повторяется каждые три секунды, а эта линия загорается только при касании света из другой трещины... это словно некий протокол обмена данными.” – мелькнуло в сознании. Он даже машинально пытался представить себе диаграмму. Но чем больше он напрягал мысли, тем сильнее узоры словно... ускользали. Они перестраивались. Отбрасывали его логику, словно чужака.

– Ну давай же. – Шепнул Кирилл. – Я же вижу вас. Я знаю, что вы подчиняетесь правилам... хоть каким-то... Всё равно правила должны быть!

И он, упрямо сжав зубы, протянул руку. Кончиками пальцев провёл в воздухе, повторяя линии, что светились в камне. Пытался, как программист, “воспроизвести” рисунок. Но под пальцами не возникало ничего – только холод воздуха и пустота. Свет оставался в камне, не переходя в него.

Тишина. Пусто. Он почувствовал, как в груди зарождается злость – тяжёлая, обжигающая, сродни той, что бывало после ночи, потраченной на очередной баг программы, а утром начальник лишь бросал:

“Ты всё неправильно делал.”

– Ну и пошли вы... – Резко выдохнул он, пнув носком ботинка небольшой камень, у которого тускло переливался крохотный узор. И отлетевший в сторону камень звонко ударился о ближайшую скалу. Мгновение – и трещина на нём раскололась, словно живое тело. Изнутри разлетевшегося на куски камешка вырвалось облачко светящейся дымки, легкой, как дыхание, хрупкой, как пепел в солнечном луче. Оно закружилось, распадаясь, будто собиралось исчезнуть.

И тут же, откуда-то из тени, стремительно метнулась ящерица – тонкая, серебристо-зелёная, почти прозрачная. Она открыла крошечную пасть и вдохнула дымку, будто это был глоток воды. На мгновение световые узоры, пробежавшие по её бокам, вспыхнули ярче – как если бы существо засияло изнутри.

Увидев всё это Кирилл, широко раскрыв глаза, застыл на месте. Ведь он чётко видел, что те самые линии на чешуе ящерицы – были практически такими же самыми, что были и в камне. Только теперь они стали живыми, полными силы, переливались, как дыхание невидимого огня.

– Чёрт... – Прошептал он. – Оно... оно кормится этим.

Эта мысль ударила резко. Это был не просто свет. Это – топливо. Энергия. Магия, если уж совсем по-фантастически рассматривать этот вопрос. И она может принадлежать... не камням, а живым. И где-то внутри – вместо восхищения или страха – снова включился привычный аналитик.

“Выходит, что эта система линий замкнутая. Камень хранит узор. Разрушение приводит к выбросу энергии в окружающее пространство. А поглощение этой самой энергии становится подпиткой. Значит, тут есть поток. Циркуляция. Как... как у нас в сетях. Только...”

Он не успел до конца обдумать эту мысль. Потому что ящерица повернула голову – и в её глазах, слишком уж внимательных для зверя, мелькнул отблеск, словно она тоже его... рассматривает.

Теперь Кирилл замер, заворуженно глядя на ящерицу. Она сидела на камне, прижав лапы к телу, и её бок всё ещё светился ровно, ритмично – будто в ней билось маленькое пламя. Световые линии на её чешуе были не просто орнаментом. Они дышали. Переливались, гасли, вспыхивали вновь, словно организм этой крохи разговаривал сам с собой на языке узоров.

И вдруг Кирилла пронзила мысль – резкая, почти болезненная. А что, если это не камни питают их? Что, если они сами – и есть узоры? Эти создания не пользователи... Не случайные охотники за дымкой... Они – носители, живые узлы, рождённые в системе, которую он даже не понимает.

От этого открытия стало не легче. Наоборот, холод прокрался в живот. В его мире всё было по-другому. Есть человек... Есть инструменты, есть системы, которые ты создаёшь и контролируешь. Здесь же узор сам выбирает, где быть – в камне или в чешуе твари, которая только что глотнула свет, будто воздух.

Ящерица метнулась в сторону и исчезла в щели между нависающими валунами. Кирилл, поколебавшись, двинулся следом. Привычная ему логика подсказывала, что если он хочет понять этот мир – нужно смотреть, как он живёт. А инстинкт твердил обратное:

“Не лезь туда, где не понимаешь правил.”

Скалы впереди поднимались, словно вывороченные костяки какого-то колоссального зверя. Кирилл продирался между ними, оглядываясь на каждую трещину, где светились узоры. Чем дальше он шёл, тем сильнее и плотнее становились эти линии – не просто тонкие жилки, а целые рисунки, опоясывающие камни, уходящие вверх по утёсам.

А ещё он всё острее ощущал, что оказался не просто “где-то в горах”. Нет. Это место жило по другим законам. Совсем другим. Вода текла не вниз, а вверх по склону, собираясь в прозрачные капли, зависшие над поверхностью, как рой медуз. Камни, тяжёлые, с острыми краями, просто парили в воздухе, медленно вращаясь вокруг собственной оси. Воздух пах не горной свежестью, а чем-то странным, медовым, будто прогоревшей лампой накаливания.

Он останавливался раз за разом, пытаясь объяснить. Но любая логика ломалась. Как в старом баге, когда ты видишь, что код не может работать, но он – работает.

“Это не иллюзия... слишком реально. Если я сошёл с ума, то мозг чертовски изобретателен.” – Глухо пробормотал он. И чем дальше он углублялся, тем сильнее осознавал, что это был уже не привычный ему мир. Здесь нет ни дорог... Ни фонарей... Ни линий электропередач на горизонте... Ни единого признака цивилизации, за который он бы уцепился. Только хаос чужих законов.

Эта мысль была куда страшнее, чем висящие камни или светящиеся твари. Он здесь один. И вокруг нет ничего, что намекало бы на людей.

Осознав этот факт, Кирилл остановился, вдохнул глубже, и холод ударил его лёгкие куда сильнее. В груди парня что-то резко сжалось. Будто он был в пустыне, где нет не только воды, но и языка, на котором можно позвать помощь.

Ящерица снова мелькнула между камнями, её светлый узор скользнул в темноту. И Кирилл шагнул за ней – потому что, кроме неё и этих нелепых узоров, у него больше не было ни одной зацепки в этом мире.

Немного подумав, Кирилл всё же двинулся глубже в эти территории, стараясь не отставать от мелькающей в темноте ящерицы. Та, то скрывалась, то снова показывалась, будто дразня его, словно проверяла – идёт ли он за ней, не сдастся ли. Свет её узоров был едва заметным маяком, и в какой-то момент Кирилл понял, что уже не видит выхода, не помнит, откуда пришёл. Скалы сомкнулись вокруг, превратившись в тесный коридор, изломанный, как позвоночник древнего чудовища.

И тут что-то изменилось. До этого камни казались просто странными – с их парящими осколками и бегущими по ним световыми узорами. Но сейчас у Кирилла возникло ощущение, что они смотрят. Не глазами, не привычным человеческим взглядом – а всем своим телом, всей массой. Как если бы каждый камень имел память и внимание, и эта память уткнулась в него, чужака.

Сначала он списал это на усталость, на нервы. Но стоило ему остановиться, прислушаться – и в глубине коридора, где узоры становились гуще, раздалось низкое, протяжное звучание. Не эхо, не ветер в расщелинах. Это было похоже на гул трансформатора, на сердечный ритм какого-то гигантского организма, живущего под землёй. Этот гул вибрировал в воздухе, отзываясь в рёбрах. Кирилл ощутил его даже в зубах, будто звук проходил не через уши, а прямо в кости.

Он тихо сглотнул ставшую вязкой слюну, и остановился, нервно облизав пересохшие губы.

– Ну уж нет... нет-нет... – Всё также тихо пробормотал он. Но гул не стихал. Более того – он становился ритмичнее. Как будто что-то отвечало на его мысли. Кириллу на миг почудилось, что вибрации складываются в слова – но не человеческие. Это был чужой язык, слишком вязкий и низкий, чтобы ухватить смысл. Звуки не произносились – их как будто думали.

И чем дольше он вслушивался, тем отчётливее ему казалось, что это был не просто шум. Это был... Зов... Тот самый мир, в который он угодил, имел свой голос. И этот голос заметил его.

Холод прокатился по спине. И вдруг парень ясно понял, что пока он шёл за ящерицей, почему-то думал, что сам выбирает путь. Но сейчас – его ведут. Всё, что было вокруг, не случайно. Светящиеся узоры, дымка, ящерица – это были не хаотичные явления, а... Приветствие? Предупреждение? Испытание? Что?

Он не знал. Но в груди крепло ощущение угрозы – невидимой, но всепроникающей. Будто мир держит его в ладони и решает – раздавить или оставить жить.

Ящерица, впрочем, всё так же светилась впереди, неторопливо продвигаясь вперёд. А Кирилл стоял, сжав кулаки, и чувствовал, что шагнуть дальше – значит признать правила, которых он не знает.

Но, немного погодя, и резко выдохнув, парень всё же двинулся вперёд, стараясь не слушать гул, что всё ещё отдавался в костях. Ступал осторожно, скользя по осыпающимся камням, и вдруг заметил – тьма впереди раздвинулась. Воздух стал свежее, прохладнее, влажнее. И Кирилл понял, что поблизости была вода.

Он ускорил шаг и вскоре увидел её. Ручей. Тонкой нитью стекающий по уступам скал и исчезающий в трещине. Но вода не была привычной. Она светилась. Не ярко – скорее, мягким, серебристым свечением, как молочный след луны в ночном небе. В самом потоке просматривались узоры – зыбкие, словно тени, и они складывались, распадалась, собирались вновь.

Кирилл замер. Его мозг привычно ухватился за детали: узоры в камнях, узоры в ящерице... теперь и вода? Он медленно присел на корточки, внимательно разглядывая ручей. Вокруг действительно росли растения – низкие папоротники с широкими матовыми листьями, цветы с тонкими лепестками, окрашенными в переливчатый голубой. На влажной земле отпечатались следы лап и копыт. Это была не пустая выдумка, не иллюзия. Животные точно приходили сюда.

Он вспомнил уроки биологии, подсознательно перебирая факты. Растения “пьют” – значит, вода не яд. Следы животных – значит, она вполне удобоварима и употребляема. Все признаки прямо говорили о том, что она безопасна и для него. Но сердце колотилось от сомнений:

“Светящаяся вода. Ты серьёзно? Кирилл, да ты сейчас как персонаж какой-то дешёвой RPG... ещё глотни эликсира, получишь +50 к мане...” – С горечью подумал он. Губы парня пересохли. Горло жгло. Сухость становилась невыносимой.

– Ладно, – прошептал он, – хуже уже вряд ли будет.

Он нагнулся и, сложив ладони чашей, зачерпнул воды. Она показалась холодной, почти ледяной, но на коже словно искрилась. Сделал глоток... И... Зажмурился. Вкус не напоминал ничего из привычного. Не речную сырость... Не хлорированную воду из крана... Скорее – дыхание грозы, свежесть воздуха после молнии. Словно он пил не жидкость, а саму прохладу.

Он сделал ещё несколько жадных глотков. И сразу ощутил, что изнутри разливается лёгкость. Усталость, тянувшая его тело со вчерашнего дня, исчезла. Ноги, ломившие после бесконечного пути, словно обрели новую силу. Даже голова прояснилась.

Он выдохнул, отстранившись. Вода стекала по подбородку, капала на землю. И в этот момент он заметил руку. Тот самый палец, которым он несколько часов назад содрал кожу, пытаясь ухватиться за острый выступ скалы. Там была кровь, и ранка саднила всё это время. Теперь же там не было ничего. Только чистая кожа, будто её и не трогал камень. Кирилл резко отдернул руку и уставился на неё. Внутри всё похолодело.

– Ну... твою же мать... – Резко выдохнул он. Сомнений не оставалось. Эта странная вода лечила и восстанавливала. В этот момент он ощутил, как страх и восторг одновременно поднимаются в его груди. Потому что перед ним был не просто источник. Это было доказательство. Законы в этом мире ему точно не были знакомы. Это – другой мир. Полностью. До конца.

Кирилл ещё долго сидел у ручья, глядя на бегущую светящуюся воду. Она пела – не звуком, а внутренним ощущением, тихим, едва уловимым шёпотом свежести. Но в какой-то момент он заставил себя подняться. Жажду он утолил, усталость ушла, голова прояснилась – теперь нужно найти укрытие. Если он здесь задержится, то ночевать под открытым небом в этих диких скалах совсем не вариант.

Он огляделся. Скалы по обе стороны нависали, как зубцы какого-то исполинского хребта. Тени в расселинах казались слишком глубокими, слишком плотными. И вдруг – впервые – он ощутил странное ощущение. Лёгкий холод под рёбрами, словно инстинкт, который говорил ему:

“Сюда не ходи.”

Он осторожно сделал пару шагов в сторону тёмной щели между валунами – и чувство мгновенно усилилось. Холод превратился в липкий страх, как будто в ту сторону смотрел кто-то невидимый. В груди что-то сжалось. Кирилл снова остановился, и уже в который раз нервно облизнул губы.

– Понял... без приглашения – не лезем. – Глухо пробормотал он сам себе и отступил. Теперь он шёл осторожнее. Почти как зверь. Медленно. Постоянно останавливаясь, и прислушиваясь к каждому камню, к каждому отблеску. Иногда из-за трещин веяло опасностью – иной раз резкой, как удар, иной раз вязкой, словно болотный туман. Он обходил такие места стороной, удивляясь, как чётко ощущает это новое чувство. Будто скалы сами предупреждают... Или, наоборот, отпугивают.

И только спустя какое-то время, уже изрядно устав от постоянного напряжения, он заметил небольшой выступ в скале. Там зиял низкий проход – словно в расщелине ветер выдул себе гнездо. Кирилл присел на корточки, заглянул внутрь.

Пещерка была маленькой, но уютной. Метра четыре в глубину, с сухим каменным полом, гладким, будто отполированным временем. Узоры здесь почти не светились – только тонкие, едва заметные жилки на стенах. И самое главное – никакой угрозы. Наоборот, место дышало покоем, безопасностью.

Кирилл осторожно вошёл внутрь, пригнулся, провёл ладонью по холодной стене. Камень был гладким, и от прикосновения по телу разлилось чувство, будто его наконец перестали преследовать невидимые взгляды.

– Ну вот... хоть какой-то с виду безопасный уголок... – Выдохнул он, позволяя себе впервые немного расслабиться. Потом он сел на каменный пол, обняв колени руками. Жажда ушла, усталость растворилась, страх отступил – но одна мысль всё ещё не давала ему покоя:

“Почему я начинаю чувствовать это?” – Его мозг, привыкший ко всему рациональному, не мог объяснить всего этого. Он никогда не обладал никакими “шестыми чувствами”. Но здесь, в этом мире, всё было иначе. И камни... И вода... И даже тишина... Всё это имело свой собственный голос.

И теперь он впервые начал ловить этот голос – не ушами, а чем-то глубже. Кирилл ещё некоторое время прислушивался к пещере – словно проверял, не дрогнет ли невидимая пружина внутри, не возникнет ли снова то странное ощущение опасности. Но всё оставалось спокойным. Только лёгкое дыхание ветра доносилось снаружи, да капля где-то в глубине стены звякала, будто время отмеряло ритм.

Он выдохнул и вышел обратно, к ручью. Осторожно сорвал несколько широких листьев, потом выдрал охапку травы с мягкими стеблями, собрал пару гибких веток. Всё это таскал в пещеру, пока не соорудил себе нечто, отдалённо похожее на подстилку. Конечно, до кровати в его квартире было далеко, но лучше, чем спать прямо на холодном камне.

Когда он наконец улёгся, усталость налетела на него полноценной волной. Тело расслабилось, веки потяжелели. Пахло свежесорванной травой, терпко, немного сладко. Ветер, заходя в пещеру, приносил запах влажных камней и далёкой воды.

Некоторое время Кирилл полулежал, уставившись в тёмный потолок пещеры, и мысли его начали путаться. Где-то глубоко ещё копошился страх – страх, что всё это сон, что он сошёл с ума, что очнётся в белой палате или, наоборот, не очнётся никогда. Но сон уже втягивал его, тянул мягко и неотвратно.

И тут – в этой зыбкой грани между бодрствованием и забытьём – он услышал. Не звук. Не слово. Скорее – прикосновение. Словно к его сознанию склонился кто-то, кто дышит очень близко. Голос без голоса, шёпот без языка. И всё же – смысл пробивался, вкрадчиво и неясно, как эхо, которое ты слышишь сквозь толщу воды.

Он не понял слов. Но уловил направление. Это был Зов. Мягкий... Тягучий... Как протяжный колокол. Не угрожающий, но и не дружелюбный. Просто факт его присутствия в этом мире был замечен.

В груди что-то отозвалось – не страх, а странное признание. Как будто этот мир говорил: “Я вижу тебя.”

Кирилл дёрнулся, глаза его распахнулись. Пещера была такой же тёмной и тихой. Ветер шевелил листьями. Но глубоко внутри ещё долго отзвуком вибрировал тот беззвучный голос.

Он закрыл глаза снова – и на этот раз позволил себе провалиться в сон, чувствуя, что даже во сне он теперь не будет один. Сон подкрался к нему мягко, как туман, и вскоре Кирилл уже не мог отличить, где кончается реальность пещеры и где начинается другое – что-то большее.

Сначала было ощущение воды. Не ручья – а океана. Бескрайнее чёрное пространство, в котором он парил, как пылинка. Вода была не мокрой, а живой – каждая капля светилась, и миллионы этих светляков складывались в картины. Они дрожали, текли, перетекали друг в друга, словно гигантская цифровая панель, где вместо пикселей – светящиеся сущности.

Кирилл видел узоры – гигантские, уходящие за горизонт. Спирали, круги, древние символы, напоминающие одновременно и коды, и уравнения, и руны. Они шевелились, будто дышали. И вся эта бездна смотрела на него.

Потом картины начали меняться. Он увидел землю – не ту, привычную, а чужую. Скалы, где вода течёт вверх. Деревья, чьи кроны росли не к небу, а в сторону, тянулись к светящимся потокам. Твари, в чешуе которых горели узоры. Всё это складывалось в сеть – как паутина, как граф связей. Каждый узор был узлом. И этот мир был не просто местом – он был системой. Огромной, живой системой, где каждый камень, каждая травинка, каждая ящерица были “подключены”.

И вдруг он увидел себя. Маленькую, тусклую фигуру без свечения. Пустую точку в сияющей сети. И сеть... Тянулась к нему. Щупальца света тянулись, ощупывали его границы, пытались войти внутрь. Но наткнулись на пустоту.

Кирилл ощутил это, словно на физическом уровне. Давление на грудь... На виски... Мир хочет... Включить меня. Но у меня нет порта для подключения.

Его начало трясти, и образы сменились. Теперь он стоял на каменной равнине, окружённый лицами. Но это были не люди. Лица вытекали из скал, плавали в воде, мелькали в листве. Они были огромные, безмолвные, как маски. И все они смотрели на него. Не злобно – скорее, оценивающе. Как судьи, которым неизвестно, оправдать или уничтожить подсудимого.

И вдруг одно из лиц приблизилось – огромное, состоящее из трещин и линий света. Оно наклонилось к нему так близко, что Кирилл ощутил его дыхание – сухое, как песок. И беззвучный зов пробрал его насквозь:

“Ты – чужой. Но ты – нашёл дорогу.”

Он хотел спросить “кто вы?”, “где я?”, “что вам нужно?” – Но во сне язык не слушался. И лишь ощущение, что он стоит перед чем-то неизмеримо большим, холодным и древним, не давало дышать.

Сеть снова засияла. Тысячи нитей света сошлись над ним, образуя узел. И он понял, что это был выбор. Мир предлагал ему нечто. Войти в него. Стать частью. Но что это означало – он не знал.

И в тот миг, когда свет почти коснулся его кожи, Кирилл рывком проснулся – в своей пещере, на подстилке из травы и веток. Лоб его был мокрым от пота, дыхание сбивалось, сердце колотилось. А на секунду ему показалось, что на стенах пещеры узоры горят чуть ярче, чем вчера.

Кирилл проснулся резко, будто его кто-то толкнул. Веки парня были тяжелы, но глаза парня сразу раскрылись. В пещере царил предрассветный полумрак, однако он чувствовал, что что-то изменилось.

Вчера скалы казались просто чужими, диковинными, пугающими. Сегодня же, после сна, они были живыми. Мир не просто существовал вокруг – он ждал. Ожидание висело в воздухе, давило, как тяжёлое одеяло. Казалось, стоит сделать не то движение, не туда шагнуть – и невидимый суд вынесет приговор.

Кирилл лежал на подстилке из травы и веток, и впервые в жизни поймал себя на мысли, что чувствует себя зверьком, загнанным в клетку. Он не хотел вставать, но жажда, голод и холод заставили. Тело ещё помнило ту волну свежести от воды из ручья, но сил всё равно не хватало.

Он медленно поднялся и обошёл пещеру, оценивая её заново. Небольшая, сухая, в глубине сужающаяся – прятаться удобно, но не жить. “Дом”, если так вообще можно было бы сказать, требовал определённого обустройства. Раз уж он уже был здесь, ему теперь надо было учиться выживать. Хоть день... Хоть неделю... Хоть месяц... Пока не найдёт хоть какой-то шанс найти людей. Или хоть какую-то цивилизацию.

Мысль о цивилизации ударила его определённой тяжестью. Вчера он ещё надеялся на то, что вот-вот выйдет к какой-то деревне, встретит костёр, дым, голоса. Но сон показал обратное. Этот мир мог быть целиком чужим. Может, здесь и вовсе нет людей. А если и есть, то кто сказал, что они будут похожи на него? И именно чтобы не застрять в этих мыслях, Кирилл заставил себя действовать.

И тут из памяти всплыло лицо прадеда – сухого, жилистого старика с вечно пахнущими дымом руками. Лесник. Человек, в дом которого Кирилла возили в детстве на лето. “Для закалки”. Тогда это казалось деревенской каторгой. Так как там ему приходилось таскать воду... Учиться разводить костёр... Ставить смешные, наивные ловушки... Но сейчас эти воспоминания обожгли странным теплом. Прадед ведь знал, как жить в диком лесу. Пусть не в таком, но всё же...

Кирилл пошёл к выходу пещеры, собрал несколько сухих веток и травы. Наученные руки почти автоматически начали складывать очаг у стены, ближе к выходу, но так, чтобы дым уходил наружу. Камни нашлись неподалёку, и он выложил их кругом.

Огонь пока оставался проблемой. Спичек нет. И зажигалки тоже. Он вспомнил прадеда, показывающего трение палки о дощечку, и стиснул зубы. Если он мог, значит и я смогу.

Затем Кирилл принялся осматривать окрестности у ручья. Тщательно, с осторожностью. Теперь он не просто смотрел на мир – он чувствовал угрозу. Какие-то места давили, словно там притаилось что-то невидимое. Их он обходил стороной, даже близко не подходил. А на безопасных участках искал длинные тонкие ветки и лианы.

Из этого можно было сплести простейшие силки – на мелких животных. Прадед учил его подобному. Их нужно ставить на той самой тропинке, где зверьки бегают. Кирилл нашёл следы у ручья – мелкие отпечатки лап и копыт, ведущие в заросли.

Он вернулся в пещеру с охапкой лиан и веток, устроил что-то вроде настила, чтобы лежать было мягче. А потом начал работать руками, словно его жизнь зависела от этого:

“Да, теперь я Робинзон. Только хуже. У Робинзона был шанс на корабль. А у меня – только камни, узоры и тишина, которая смотрит мне в спину.”

И чем дольше он двигался, тем отчётливее чувствовал, что окружающий мир словно наблюдает, оценивает каждый его шаг.

.....

Кирилл сидел на корточках у выхода из пещеры, перед собой сложив камни в круг. Внутри уже лежала сухая трава, мелкая щепка, чуть потолще веточки. Он смотрел на всё это, и сердце у него колотилось так, будто он собирался не костёр разжечь, а экзамен сдавать.

Огонь. На Земле он просто щёлкал бы зажигалкой. В худшем случае – спички. Даже дома, в городе, он иной раз ленился и подносил газовую горелку, чтобы быстрее заварить кофе в турке. Но теперь – ничего. Только он сам, его руки и палки.

Он выбрал прямую сухую ветку и другую – потолще, положил её на землю. Кончик ветки приставил к маленькому углублению, которую процарапал острым камнем и обложил сухим мхом. Сжал зубы и начал крутить. Сначала легко. В голове мелькнула детская усмешка:

“Ха! Как в кино.”

Но через минуту лёгкость ушла. Пальцы начали скользить, ладони жгло трением. В дощечке углубление становилось темнее, но дыма не было.

Кирилл стиснул зубы. Продолжал, несмотря на боль. Пальцы уже не слушались. Сухая кожа рвалась, и он видел – на подушечках появляются алые полоски. Боль обожгла, но он не остановился. Прадед бы не остановился. И я не останавлиюсь.

В какой-то момент он почувствовал – всё тело работает в такт с руками. Спина мокрая, дыхание сбито, руки дрожат. И вдруг – тонкая струйка дыма. Настоящего, живого. Сначала он не поверил. Замер. Потом, очнувшись, торопливо насыпал сверху щепы, подул. Дым усилился, и в сердце что-то дрогнуло.

И тогда, совсем внезапно, щёлкнуло. Сухой мох сначала задымился, а потом всё же вспыхнул оранжевым язычком. Огонь. Настоящий. Его огонь. Только сейчас Кирилл откинулся назад, и хриплый смех сам вырвался из груди. Нервный, ломкий, но настоящий. В глазах стояли слёзы – от дыма или от усталости. Он держал ладони перед собой, на которых выступала кровь, и смотрел на этот крошечный, едва живой огонёк, словно это был дар.

Огонь трепетал, жил, и вдруг он понял. Что впервые с того момента, как очнулся в этом мире, он не чувствует себя чужим. Не совсем. Пусть этот мир смотрит на него, пусть выжидает – но он тоже может дать ответ. Пусть маленький, пусть через кровь и боль.

Он бережно подложил ещё веточек, глядя, как пламя медленно разгорается. И понял – здесь, в этой каменной пасти, впервые стало теплее не только телу, но и душе.

“Если есть огонь, значит, я ещё жив. Если есть огонь – значит, я могу.”

.....

Следующая ночь опускалась незаметно, словно густая ткань, которую медленно, слой за слоем, накидывают на плечи. Кирилл сидел у своего первого костра и смотрел, как огонь тянется кверху тонкими языками, колышет воздух, отбрасывает дрожащие тени на стены пещеры. Ещё несколько часов назад он боялся этой тьмы – глухой, чужой, полной невидимых глаз. Казалось, что за каждым поворотом скал прячется что-то хищное, готовое прыгнуть. Но теперь всё изменилось. Свет костра отодвигал мрак, выталкивал его за пределы пещеры, будто выставлял охрану. С каждым потрескиванием ветки Кирилл чувствовал: он не один, с ним – его огонь.

Тени на стенах больше не были угрожающими. Они стали похожи на неровные рисунки, детские каракули, которые шевелились, но не пытались напасть. Даже скалы за пределами входа выглядели мягче – их острые линии смазывались дымом и светом, теряли враждебность. Мир словно признал: да, ты добываешь своё место здесь.

Голод, однако, напомнил о себе тягучей пустотой в животе. Кирилл пошёл к ручью, свежая внутри ощущением первобытной решимости. Там, среди камней и травы, он заметил дви-

жение – длинное тёмное тело скользнуло вблизи воды. Змея. Она не бросалась, не шипела, лишь свернулась кольцом, словно наблюдая.

Кирилл замер, присматриваясь. Голова не треугольная, окраска спокойная, без ярких предупреждающих пятен. Глаза – круглые, не узкие щели. К тому же, голова змеи была прямоугольная, а не сердцевидная. Он помнил, как прадед ему говорил:

“Если глаза круглые, или голова прямоугольная, то чаще всего такая змея не ядовитая.”

Неужели это было что-то вроде местного ужа? Он медленно, осторожно прижал её к земле длинной веткой и резким движением поймал за шею. Сначала руки дрожали, но он заставил себя не отпускать. Змея билась, скользила, но силы были на его стороне.

Для разделки он вернулся к ручью и стал искать подходящий камень. Нашёл плоский, с трещиной. Ударил другим – и тот раскололся, оставив острый, почти ножевидный край. Кирилл даже не ожидал, что получится так чисто. В голове мелькнула ироничная мысль:

“Ну здравствуй, Каменный век.”

Работая осторожно, он снял с твари шкуру, разрезал мясо на несколько кусков. Запах был резким, неприятным, но терпимым. Внутри у него всё сжималось – никогда в жизни он не делал ничего подобного. Всегда магазин, всегда готовое. Но здесь – выбора не было.

Потом он нанизал куски на тонкие веточки и поднёс к огню. Сначала жар шипел, куски сжимались, жир капал и вспыхивал маленькими искрами. Затем запах изменился. От острого и дикого – к мясному, напоминающему курицу, только чуть жестче.

Сидя у огня, он переворачивал прутья, слушая, как потрескивает костёр, как жужжат ночные твари в темноте. И в первый раз за всё это время его желудок не сжимался от пустоты, а наполнялся ожиданием.

Когда мясо начало даже немного подгорать, он откусил первый кусочек. Горячий... Обжигающий... Немного жестковатый. Но вполне съедобный. Даже вкусный. В горле стоял дым, в животе – тепло. Он ел медленно, осторожно, словно боялся, что вкус исчезнет. Но с каждым глотком внутри росло странное чувство победы.

Он понял, что это был первый настоящий шаг. Он не просто выжил случайно, не просто дышал чужим воздухом. Он добыл огонь. Он добыл еду. Пусть через кровь, через страх, через непривычность – но сделал. И ночь больше не была врагом. Теперь это была ночь, освещённая его костром, ночь, в которой у него есть силы жить.

Кирилл сидел у костра, согнувшись вперёд, и смотрел, как пламя поедает ветки. Еда уже отяжелела желудок, приятная тяжесть разлилась по телу. Он откинулся на грубую подстилку из травы и веток, и впервые за всё это время ощутил не только усталость, но и что-то похожее на удовлетворение.

Руки саднили – на ладонях краснели содранные участки кожи, где кровь подсохла тонкой коркой. Но даже эта боль казалась не врагом, а подтверждением:

“Да, я сделал это сам.”

Костёр еле слышно трещал, выпуская тонкие языки дыма, которые ползли к выходу из пещеры и растворялись в темноте. Снаружи слышалось шуршание – то ли мелкие зверьки пробирались сквозь траву, то ли ветер гонял сухие листья. Но эти звуки больше не парализовали его. Теперь у него был огонь – страж, охранник, маленькое солнце, которое отгоняло мрак.

Кирилл лёг на бок, обнял руки и смотрел на игру пламени. Оно было гипнотическим – то вытягивалось вверх, то оседало, как дыхание живого существа. И в этом дыхании он чувствовал ритм, родственный его собственному сердцу.

Мысли крутились медленно, словно вязли в тёплом тумане. В голове всплывали образы. Прадед, раздувающий костёр... Кухня дома, где он просто щёлкал зажигалкой, не думая о чуде, которое держал в руках... Офис, тусклые лампы и свет экрана... Дорога через ночной парк... И – провал... Портал... Скалы... Чужой мир...

Он перевернулся на спину, смотрел в потолок пещеры. Там тоже были узоры – неровные линии камня, пересекавшиеся, словно какой-то чужой текст. Ему показалось, что даже они мерцают в отблесках огня, будто оживают.

И вот впервые за все эти дни он не чувствовал себя загнанным зверьком. Он чувствовал себя человеком. Человеком, который может взять палку, камень, и всё же заставить мир немного подчиниться. Пусть совсем чуть-чуть. Пусть только внутри этой маленькой пещеры.

Сон подкрадывался медленно. Сначала тяжели веки, потом дыхание стало ровнее. Костёр тихо потрескивал, словно шептал:

“Спи, я посторожу.”

И в этом дремотном состоянии, на грани между сном и бодрствованием, Кирилл впервые не только боялся, но и ощущал внутри упрямство. Негромкое, но крепкое, как стальной гвоздь:

“Я выживу. Как бы вы, скалы, ни смотрели на меня, как бы этот мир ни ждал. Я не сдамся. Я буду жить.”

И с этой мыслью он закрыл глаза окончательно. Огонь всё ещё плясал рядом, а за пределами пещеры ночь шумела и дышала, но теперь не была врагом.

.....

Утро пришло не мягко и ласково, как на Земле, а сурово – будто весь мир проверял: выстоял ли он первую ночь. Кирилл проснулся от того, что костёр уже почти догорел. В углях теплилось красное свечение, и слабый дымок всё ещё клубился к выходу из пещеры.

Он сел, потянулся, и впервые за эти дни почувствовал себя... Не свежим, но собранным. Словно ночной сон, огонь и горячая пища дали ему опору, маленький корень, за который можно держаться. Мир всё ещё был чужим и опасным, но в груди больше не бушевала паника. Было тяжёлое, упрямое спокойствие:

“Я жив... И я смогу...”

Сначала он подошёл к ручью – умыться, напиться. Вода обожгла свежестью, разбудила тело окончательно. Кирилл рассматривал собственное отражение в глади и почти не узнавал себя. Лицо парня осунулось. Глаза горели лихорадочным блеском. Но это всё ещё был он.

Он вернулся в пещеру и задумался. Теперь ему нужно оружие. Палки и камни – хорошо, но ненадёжно. Вчерашняя змея – случайная удача, но в этом мире есть твари куда крупнее и страшнее. Даже мысли о них заставляли кожу холодеть. Нужно хоть что-то, чем можно защищаться.

И эта мысль оказалась пророческой. Едва он отошёл от ручья, вдалеке раздался рёв – глухой, тяжёлый, словно грохот камней. Кирилл пригнулся и осторожно двинулся в сторону, откуда шёл звук, скрываясь за выступами. И вдруг увидел.

На каменной площадке, словно на арене, сцепились два существа. Первое – огромное, тяжёлое, похоже на варана, только выше человека, с мощным хвостом и когтями, сверкающими в лучах утреннего солнца. Второе... Кирилл с трудом узнал в нём оленя. Но этот олень был больше любой земной лося, с рогами, сиявшими голубыми линиями – теми самыми узорами, которые он уже видел в скалах.

Сражение было не просто дракой. Каждое движение оленя сопровождалось вспышками этих световых линий, словно энергия текла по его телу. Он уворачивался, бил рогами – и каждый удар отзывался гулким звоном, будто в воздухе играла струна. Ящер тоже использовал что-то похожее на силу. Его когти оставляли светящиеся борозды на камнях, а хвост, ударяя о землю, вызывал дрожь, словно маленькое землетрясение.

Кирилл застыл, забыв дышать. Он видел бой, в котором переплетались плоть, сила и... магия. Настоящая, осязаемая. И вдруг понял, что здесь даже животные были её носителями. Здесь магия была не чем-то отдельным, а частью самой природы.

Схватка была короткой, но жестокой. Олень одним стремительным рывком поддел рогами ящера, словно вбил в него молнию. Существо рухнуло, затрепетало и замерло. Победитель же, не задерживаясь, ускакал, оставив после себя лишь следы на камне и дрожь в воздухе.

Кирилл медленно приблизился к останкам. Сердце колотилось, но страх отступил перед голодной, упрямой практичностью. Это был шанс. Огромный кусок мяса, кожа, кости. Всё это могло стать ресурсами.

Он присел рядом, разглядывая тушу. Шкура была толстой, чешуйчатой, переливалась тусклым зеленоватым блеском. Почти как броня. Если её удастся снять, обработать – можно сделать одежду, защиту. Прадед когда-то рассказывал, как снимать и сушить шкуру зверя, чтобы она не сгнила. Но то был заяц или лиса. А тут – тварь, которой место в кошмарах.

Он быстро нашёл острый камень, каким уже пользовался, и осторожно провёл им вдоль брюха убитой твари. Хотя эта кожа поддавалась с значительным трудом. Под ней сочилось тепло, запах ударил в нос резкий, тошнотворный. Кирилл сглотнул, но не остановился.

Сначала мясо. Его надо отрезать, пусть и немного, для еды. Остальное можно будет повесить сушиться. Потом кожа – если снять аккуратно, может пригодиться. Главное – не дать пропасть тому, что может спасти жизнь.

Каждое движение требовало усилия. Камень соскальзывал, руки дрожали, но он работал. В голове звучал голос прадеда:

“Не выбрасывай. В лесу всё пригодится.”

И Кирилл понимал – сейчас он живёт именно так, как жил его предок. Только лес этот был чужим, страшным, но всё же – лесом. А скалы – скалами...

И в какой-то момент, когда он поднял отрезанный кусок мяса, кровь капнула на камень. И светящиеся узоры, что ещё теплились на теле ящера, дрогнули. Будто само существо не до конца отпустило жизнь.

Заметив всё это, Кирилл застыл на месте. В голове парня тут же вспыхнула мысль о том, а можно ли использовать это?

Парень осторожно опустился на колени возле поверженного ящера-переростка. Земля под телом существа ещё хранила остаточное тепло, будто сама пропиталась его жизнью. Труп был тяжёлым, массивным, покрытым толстой чешуёй, которая уже начала отдавать запах сырой крови и чего-то пряного, едва уловимого – словно в ней ещё теплился чужой огонь.

Он достал тот самый камень с острым сколом, которым уже пользовался ночью, и медленно, с усилием, стал надрезать шкуру. Чешуя не поддавалась – каждый её пласт был как тонкая кость, звонкая и упругая. Ладонь соскальзывала, и вскоре он уже ощущал жжение от царапин и свежей крови на пальцах. Но настырность парня всё же брала верх. Сантиметр за сантиметром он находил тонкие промежутки между пластинами, вдавливал острый камень внутрь, раздвигал чешую, словно ломал замок.

И тогда он впервые заметил, что по телу существа шёл странный, почти не видимый свет. Не ровный, а будто живой – переливающийся, слабо пульсирующий. Казалось, что сама шкура “сопротивляется”, не желая отдаваться в руки чужака. У Кирилла по спине пробежали мурашки. Так как он вдруг понял, что магия – это не просто что-то внешнее, а часть самой плоти этого мира. Даже после смерти зверя она оставалась, цеплялась, как запах дыма, как отголосок дыхания.

Он заставил себя продолжать, и наконец первый кусок кожи с мясом поддался. Кирилл аккуратно стянул его, стараясь не порвать. В этот момент странное чувство усилилось. Будто вместе с тяжёлым, липким куском он держит в руках и что-то иное – нечто невидимое, но ощутимое. Шкура была плотная, гибкая, и он сразу понял, что из неё можно сделать защиту, ремни, перевязи. Она держала в себе силу, словно обещала не сломаться в трудный момент.

Дальше, работая всё также тяжело, почти до изнеможения, он добрался до грудной клетки этого существа. Здесь всё было иначе. Перед ним была не просто плоть и кости, а что-то

особенное. Кости ящера были плотнее камня, внутри же, практически в самом сердце, скрывалось странное образование. Кирилл сперва подумал, что это сгусток засохшей крови, но когда он раздвинул рёбра, его глаза расширились.

Внутри располагался странный кристалл. Небольшой. Размером с ноготь большого пальца, но сияющий мягким, холодным светом. Он не просто светился – он будто дышал. Его поверхность переливалась оттенками – то зелёными, то золотистыми, то темно-синими. Кирилл протянул руку и едва коснулся его пальцами – и сразу почувствовал дрожь, словно через кожу пробежала искра. Это было похоже на сердцебиение, но не его собственного сердца, а чужого, недавно угасшего.

Он замер, почти перестал дышать. Мир вокруг словно стих. Даже шум ручья за скалой стал тише, уступая место странному ощущению, что этот кристалл – не просто минерал. Это был сгусток самой жизни, магии и ярости зверя. Сила, которая до последнего мгновения бушевала в теле существа, теперь собралась здесь, в единую точку.

Кирилл осторожно вытянул кристалл, держа его двумя пальцами, и в тот миг понял, что сейчас держит в руках то, что может решить его судьбу. Ужас и восторг смешались в груди. Если такие вещи рождаются в сердцах местных монстров, значит у него есть шанс не просто выжить, но и коснуться силы этого мира. Некоторое время он сидел в тишине, держа кристалл, и чувствовал, как мир будто прислушивается к нему, ожидает, что он сделает дальше.

.....

Спустя несколько часов Кирилл уже сидел у костра, положив кристалл на ладонь, и не отрывал от него взгляда. Огонь за его спиной потрескивал, освещая стены пещеры, но этот свет был тусклым рядом с тем, что исходило от находки. Камень дышал – не просто сиял, а жил. Иногда свет становился мягким, как лунное свечение на воде, а иногда – резким, пронзительным, словно в нём вспыхивал гнев зверя, которому он принадлежал.

Мысли крутились, как воронка, затягивая его всё глубже. Первая мысль была простая. Ему надо было сохранить подобные находки. Спрятать кристалл в какой-нибудь тряпке, унести с собой, как величайшее сокровище. Даже если он не понимал, что именно держит в руках, он чувствовал – это не обычный камень. Здесь была сила, ценность, возможно, больше, чем золото или оружие. Он вдруг вспомнил, как в детстве в сказках у прадеда на полке стояли куски кварца и гранита, которые старик называл “сила земли”. Тогда Кирилл улыбался, думая, что это просто красивая сказка. А теперь в его руке лежало нечто, что действительно казалось силой – осязаемой, густой.

Но в тот же миг его вторая мысль была тревогой. Что это может быть опасно. Что если кристалл – не дар, а обуза? Ведь зверь погиб, но его сила не ушла. Может, в этом куске сияющей материи заключён остаток ярости и инстинкта убийцы? Что если, держа его рядом, он сам будет становиться другим – грубым, яростным, голодным? Он вспомнил ночной сон, в котором мир показывал себя образами. Что если это тоже часть того мира, который наблюдает за ним, испытывает его? Может, сам факт обладания кристаллом сделает его мишенью? Вдруг другие твари учуют его запах, его сияние?

Эти мысли заставили Кирилла прижать кристалл к земле, почти собираясь отшвырнуть его прочь. Но пальцы не слушались. В них было странное чувство – как будто кристалл сам не отпускал его.

Третья мысль была дерзкой, и даже пугающей. О том, что подобный предмет можно было бы использовать. А что если это ключ? Если в этом мире магия не где-то вокруг, а внутри таких вот вещей? Люди, жившие здесь, наверняка знали это. Может, именно кристаллы были для них источником силы, топлива для ритуалов, для оружия, для защиты. Может, если он научится понимать, как “включать” кристалл, то сможет хотя бы частично взять под контроль эту реальность.

И в этот момент Кирилл впервые поймал себя на мысли, что в глубине души хочет попробовать. Да, это было опасно. Но ещё опаснее – оставаться здесь голым и безоружным, среди чудовищ, которые даже в схватках друг с другом использовали силу, выходящую за рамки обычной природы.

Он перевернул, а потом и покрутил кристалл между пальцами. Свет внутри будто ото-звался на его мысль – вспыхнул чуть сильнее, словно подтверждая её. От чего парень слегка вздрогнул. Сердце ускорило ритм. Он почти услышал в голове тонкий шёпот – или ему показалось? Не слова, не фразы, а намёк на присутствие. Словно кристалл понимал, что его держат, и отвечал.

Он резко закрыл ладонь, спрятав сияние. Сидел, стиснув зубы, и пытался решить, что ему лучше сделать дальше. Если сохранить, то он будет в безопасности, но такая “находка” всё равно станет тяжёлым грузом... Если использовать – это может дать шанс, но может и уничтожить его самого... Если выбросить – он, возможно, потеряет единственный ключ к выживанию в этом странном мире...

И чем больше парень думал и анализировал, тем яснее ему становилось, что отказаться он уже не мог. Кристалл будто стал частью его, связался с ним в тот самый миг, когда он впервые коснулся его холодной поверхности.

Он вздохнул, завернул находку в кусок грубой кожи ящера и спрятал у груди, ближе к сердцу.

– Если этот мир действительно ждёт чего-то от меня... – подумал он вслух, – значит, этот кристалл – первый шаг.

На следующее утро Кирилл проснулся уже с решимостью. Просто сидеть у костра и ждать – значит умереть. Первым делом он вспомнил стариковские байки прадеда-лесника:

“Если не знаешь, какой будет завтра, готовься к худшему.”

И здесь, в этом странном мире, где вода текла вверх, а звери дышали светом, худшее могло прийти в любую секунду. Он задумчиво взглянул на куски шкуры ящера, сложенные в угол пещеры. Кожа была плотная, чуть шероховатая, с мягким блеском, а по краям уже начала подсыхать и грубеть. Кирилл понимал, что если он её не обработает, она просто сгниёт. Но чем? На Земле он видел, как прадед в деревне натирал шкуры золой, солью, даже корой деревьев. Здесь у него ничего такого не было. Заже золы для этого требовалось очень много. Так что он пошёл к ручью и, долго возясь, растирал куски шкуры на камнях, поливая водой. Пытался снять остатки жира острым камнем, по сути – примитивным скребком. Ладони горели от мозолей и ссадин, но он упорно повторял движения, будто это был ещё один “алгоритм”.

– Если я повторю достаточно раз – должно сработать. – Упрямо твердил он самому себе. Потом он натягивал куски кожи на заострённые ветви, оставляя их сушиться под открытым воздухом. И впервые подумал о том, что, может быть, эти шкуры станут его первой бронёй. Пусть грубой и неуклюжей, но хоть какой-то защитой от потенциальных угроз. Ведь одежда, в которой он сюда попал, очень быстро придёт в негодность. А ему уж очень не хотелось остаться здесь голым и беззащитным.

Затем пришла мысль о припасах. Одним костром и случайной змеей сыт не будешь. Кирилл начал присматриваться к местным существам. Часть была явно опасной – вроде тех же ящеров, у которых из пасти исходило свечение. Но были и мелкие – странные зверьки, похожие на кроликов с длинными лапами, или птицы с перьями, блестящими, как металл. Они двигались быстро, но иногда задерживались возле ручья.

Кирилл решил попробовать простейший способ охоты в таких условиях. Для чего, после долгих мучений, сделал несколько петельных ловушек из полос кожи и тонких ветвей. Руки дрожали – слишком хорошо он помнил, как прадед когда-то показывал маленькому ему ловушки для зайцев. Тогда это казалось игрой. Теперь же было вопросом жизни и смерти.

Он установил их возле тропинок, где видел следы. Влажная земля у ручья хорошо сохранила отпечатки лап и копыт – значит, звери здесь ходили регулярно.

Параллельно он исследовал местность. Он уходил всё дальше, но каждый шаг давался тяжело. Ландшафт был странным. То скалы вздымались стеной... То почва уходила вниз и открывалась долина, где травы росли выше человеческого роста. Иногда в воздухе висели камни, отбрасывая тени, словно маленькие летающие островки. Кирилл невольно морщился – в его голове это никак не укладывалось. И всё это время он держал в памяти одно важное для него правило:

“Не высовывайся и запоминай.”

Поэтому он осторожно отмечал для себя, какие места кажутся “опасными”. Там, где воздух звенел странным гулом, он обходил стороной. Там, где растения словно тянулись к нему, он тоже не задерживался. Но он фиксировал всё в уме, как аналитик – строил карту... Схему... Логические связи...

Вернувшись к пещере, он проверил ловушки. Сначала ничего, но на третий раз – попался один из “кроликов”. Животное оказалось лёгким, но с сильными задними лапами. Когда Кирилл поднёс его к глазам, он заметил – и в нём был крошечный “узор”. Мельчайшие огоньки под кожей, будто светящийся сосуд внутри.

Немного подумав, он вздохнул и решил. Разделал тушку камнем, опалил шерсть на костре и впервые получил хоть какое-то мясо. Оно пахло иначе, горчило, но было съедобным. Кирилл ел и думал:

“Если я хочу выжить, я должен делать это регулярно. У меня должен быть запас пищи. Если завтра всё изменится – хотя бы несколько шкур и сушёного мяса меня спасут. И дадут определённое время.”

Он привязал первые обработанные куски кожи у входа в пещеру – пусть сохнут и дубеют. А в голове уже складывался список того, что ему может быть нужно. Припасы... Оружие... Укрытие... Всё как в компьютерной стратегии, только теперь вместо курсора – его собственные руки. И чем больше он делал, тем яснее становилось, что теперь у него нет пути назад. Этот мир может быть чужим и враждебным, но если он не начнёт приспосабливаться – он его просто ломает.

.....

Кирилл устроился у тлеющих углей и принялся за дело так, будто каждое движение могло решить – быть ему утром или не быть. Вокруг всё было чужое и жестокое, но в его руках вдруг оживали очень старые, простые ремесла – те, которые когда-то отточил прадед, и те, что записаны в теле человека веками. Как ломать... Как точить... Как связывать и закреплять...

Он начал с самого очевидного – с камня. Разбитый им раньше плоский булыжник ещё оставался в углу пещеры. От него откололась пара острых сколов, напоминающих крошечные лезвия. Кирилл уселся на корточки у ручья, чтобы иметь под рукой воду – она пригодится и для омытия, и для шлифовки. Он приложил скол к камню-наждаку, роль которого выполнял крупный, тёмный валун с шероховатой поверхностью, и стал медленно и ритмично водить по нему остриём. Звук был весьма раздражающий, но однообразный. Тонкий скрип. Как от ножа о стекло. Пыль летела маленьким облачком, пальцы натирались до кровавых мозолей, но через несколько минут край стал чище, острее, готовым резать плоть и стягивать кожу. Это был его первый нож – грубый, но верный.

Дальше – кость. Из позвоночника ящера он вынул длинную, почти цилиндрическую кость. Её пришлось сначала очистить от мяса, аккуратно соскребая камнем и промывая в прохладной воде. Кость была тяжёлая, массивная, внутри – плотная и тёмная. Он осторожно пропилил её край о камень, превращая толстую палку в клин – тонким, но прочным лезвием для разрезов и надрезов. С помощью расколотого вдоль куска он выточил заострённый шил – будущую иглу или шило для пробивки и сшивания кожи.

Пальцы у него дрожали, мозоли рвались – кровь проступала на ладонях. Каждый порез и царапина казались теперь не “неудачей”, а определённой метрикой. Сколько он уже сделал, и сколько ещё сможет. Боль подсказывала, где нужно ослаблять хватку, где – давить сильнее. Постепенно он научился работать так, как работают люди, знакомые с лезвиями с детства. Ровно... Без лишней суеты...

Чтобы получить связующий материал, он использовал сухие жилы – ту же тугую белую нить, что оставалась под кожей у крупной добычи. С помощью ножа он аккуратно стянул полосы жил вдоль мышц, затем держал их над дымком углей – высушивал и скручивал в прочный шнур. Жилка становилась гибкой и невероятно прочной. Она резала не плетью, а вязала – идеальна для перевязей и швов. Когда жил не было, он разделял растительный материал. Для чего подходили длинные волокна из упругих стеблей местной травы, промывал и скручивал – шнур получался грубее, но тем же надежным.

Для основ и держалок он выбрал прямые, грациозные ветки – длинные и не слишком толстые, сросшиеся на солнце к жесткости. Концы он срезал острым камнем, выдолбил неглубокую проточку для лезвия и подправил жало у основания заострённой кости, чтобы оно вошло плотнее. Затем закрепил лезвие в проточке, обмотал его изношенными полосками кожи и надёжно перевязал жилой. Сверху – капля смолы-адгезива.

Смолу он добывал, подогревая на углях кусочек липкого вещества, которое нашёл на коре одного из деревьев – тянущееся, янтарное, с запахом прогретой смолы. Подогретая, она становилась пластичной. Кирилл намазал ею место соединения, дождался, пока остынет и застынет – и получил примитивный, но работающий клей. Смола не была вечной, но придавала сцеплению жесткость и некоторую влагостойкость.

Так родился первый инструмент. Нож из камня с костяной рукоятью, запечатанной смолой и подпертая жилой. Он испытал его на оставшихся кусках мяса – лезвие вгрызалось, как будто боясь уступить. Кирилл почувствовал прилив некоторого удивления. Ведь с помощью его усилий из ничего появился инструмент, который мог разрезать и защищать.

Следом – копьё. Для этого он выбрал прямую ветвь, подбив у основания вклеенное костью жало. Это было то самое старое шиловидное острие, допиленное в тонкий костяной клин. Он не стал делать длинное, хрупкое древко. Найденная им ветка была толщиной как его запястье, но закалена у пламени – Кирилл достаточно долго держал её над огнём, пока древесина не слегка почернела, потом сразу окунал в воду, чтобы не получить трещин. Он помнил, что подобный прием называется “термообработка”. Благодаря чему древко стало плотнее и более упругим. Жало было вбито и обмотано полосой кожи, а смола добавлена для плотности.

Потом он сделал ещё несколько вещей. Поменьше. Дротик с тонким костяным наконечником, несколько крючков-щёпок из согнутой тонкой кости. Что могло пригодиться для ловли рыбы в ручье. И, самое болезненное, примитивный молоток. Для чего он взял небольшой плоский камень, обмотанный кожей прямо у основания, чтобы рукоять держалась и камень не выскальзывал.

Каждое новое оружие он тестировал у костра. Дротик – в кусок гниющего бревна, чтобы почувствовать, как глубоко входит... Нож – в шкуру, чтобы увидеть, как он проходит по волокнам... Копьё – в труп ящера, в мякоть плеча – и когда наконечник погружался в плоть, Кирилл вздрогнул от удара первобытной удовлетворённости. Это было не только практическое доказательство. Это было признание. Так как теперь он мог создавать средства для собственного выживания.

Он также работал над защитой. Куски шкур он подсушивал, растягивал на ветках, затем натирал жиром, вытяжкой с остатков мяса, чтобы кожа стала пластичной и не трескалась. Из крупных пластин чешуи ящера он аккуратно отпиливал выступы, соединял их полосами кожи и жил – таким образом родился грубый жилет-панцирь, больше похожий на лоскутную броню, но способный отбить первый удар. Когда он надевал его, ощущение опасности немного убы-

вало. Этот своеобразный жилет защищал не только тело, но и разум – давал право называться бойцом, а не добычей.

Каждый шаг сопровождался болью. Порезы от камня... Мозоли от натуги... Ожоги от горячей смолы... Но вместе с кровью и болью приходило и знание. Как туго перевязать, чтобы узел не пополз... Как строить примитивный колышек для ловушки... Как располагать коридорные капканы так, чтобы зверёк наверняка завяз в петле... Он превращал тернии чужого ландшафта в инструменты. Его пальцы учились новому ритму жизни. Режь... Тащи... Обвяжи... Застуди...

Когда местное солнце в очередной клонилось к закату, Кирилл вернулся к пещере, положил рядом своё новое копьё и нож. Он присел, глядя на них, и впервые за долгое время почувствовал привкус покоя. Холодная кровь и запах горелой смолы смешивались с дымом костра, а в груди жгла гордость не победителя, а ремесленника. Он всё же сотворил то, что ему могло пригодиться завтра.

Он знал, что это только начало. Что оружие нельзя сделать за один день навечно, и максимально надежным. Но теперь, с костяным шилом у пояса и каменным ножом в руках, он чувствовал, что стал немного ближе к этому миру. Уже не гостем... Не пленником... А тем, кто умеет брать у него то, что нужно, и отвечать на его опасности...

Странные находки

Утро выдалось прохладным, редкий туман поднимался с травы, наполняя воздух запахом сырости и свежести. Парень двигался привычным маршрутом вдоль скального края – он уже несколько дней обследовал эту часть долины, запоминая особенности рельефа и отмечая, где растут травы, пригодные для зелий, где удобно ставить ловушки на мелкую дичь, а где лучше не соваться из-за следов хищников. Всё шло обыденно, пока не произошло нечто, заставившее его замереть.

Из одной скалы, на первый взгляд совершенно монолитной, без единой трещины или выступа, вдруг скользнула наружу крупная змея. Её тело блеснуло влажными чешуйками, словно покрытыми росой, и она стремительно метнулась к ничего не подозревающему зверьку, напоминающему кролика. Добыча даже не успела вскрикнуть – змея сомкнула кольца, а затем столь же внезапно попятилась назад... И исчезла в камне, будто растворилась в нём.

Заметив этот факт, парень, уже одетый в грубо выделанные шкуры, просто остолбенел. Он был готов поклясться, что видел всё своими глазами, и в то же время его восприятие подсказывало, что эта скала цельная, непроходимая. Монолитный камень. И никак иначе. Серое тело камня дышало неподвижностью и тяжестью веков, никаких щелей, проходов, иллюзий – ничего. Но ведь змея точно ушла туда. Чуть ли не в самый центр этого монолита.

Сначала он предположил, что это игра зрения, уловка утреннего света и тумана. Однако память о странных узорах энергии, мелькнувших буквально на самом краю его восприятия, всё ещё не отпускала. Они были совсем не похожи на привычные линии потоков или естественные разломы силы, какие он уже как-то встречал. И не только в этой долине. В них было что-то вязкое, скрывающееся за гранью обычного.

Он подошёл ближе, коснулся ладонью холодного камня. Поверхность отозвалась обычной шероховатостью гранита, твёрдой и неподатливой. Никаких пустот, никаких колебаний, даже на уровне глубинного слуха ядра он не видел. Парень попробовал усилить восприятие, словно сквозь фильтр просветив поверхность – но перед ним оставался монолит, без изъяна.

– И всё же... – Пробормотал он себе под нос. Чутьё не отпускало. Он принялся обходить скалу кругом, пальцами касаясь поверхности, то закрывая глаза, то открывая. На миг показалось, что под слоем камня пробежал импульс – не звук, не свет, а нечто сродни дыханию, но стоило сосредоточиться, как ощущение исчезло.

Не желая отступать, он сел на камень неподалёку и стал ждать. Время тянулось долго. Птицы в ветвях пели свои утренние трели, ветер приносил запах сухой травы. И вдруг – снова. Та же змея, или, может, другая, но столь же крупная, выползла из сплошного камня, словно из воды. Она скользнула наружу, задержалась на мгновение, подняв голову, втянула раздвоенным языком воздух... И скрылась в траве.

Теперь сомнений не было. Перед ним – тайна, которая явно не укладывалась в привычные представления о природе и магии. Он ощутил острое возбуждение исследователя. Если в этой скале скрыт проход или иной феномен, то он был просто обязан его раскрыть.

С этого утра парень начал пристально наблюдать за скалой. Он расположился неподалёку, но так, чтобы оставаться незаметным. Время от времени пробовал новые методы восприятия. От простого слушания до наложения тонких печатей для выявления искажений. Камень упрямо молчал, подтверждая свою подлинность. Но змеи – змеи снова и снова появлялись и исчезали в нём, словно жили на границе двух миров.

И чем дольше он наблюдал, тем больше его уверенность росла. Перед ним не обычная скала, а маска – не иллюзия, а иная форма голо-брамы, какого-то древнего покрова или защиты. Камень был реален, но в то же время скрывал в себе иную реальность, и змея словно служила ключом или посредником между двумя слоями бытия. И тогда он понял – это место

нельзя оставлять без внимания. Оно могло оказаться либо ловушкой, либо величайшей находкой.

Парень был осторожен по натуре, и ещё осторожнее его делал опыт последних недель, что каждая мелочь в долине могла скрывать смертельную угрозу. Поэтому, заметив странность со скалой и змеей, он не бросился сразу проверять её, а решил устроить долговременное наблюдение.

Первые шаги заключались в подготовке места. Для этого он выбрал точку чуть выше по склону, где густые заросли кустарника позволяли скрываться даже при дневном свете. Оттуда было видно подножие скалы и участок травы, куда чаще всего выползала змея. Сначала он разметил себе небольшую площадку, убрав сухие ветки и камешки, которые могли выдать его хрустом, и уложил мягкий мох, чтобы сидеть и лежать было удобнее. Здесь же он устроил тайник. Небольшой мешочек с сушёным мясом и флягой воды, чтобы не приходилось уходить за припасами.

Следующим шагом стали ловушки. Он понимал, что подобная змея – не единственный обитатель этих мест, и в любой момент сюда мог забрести хищник. Поэтому вокруг своего наблюдательного пункта он расставил простые механические ловушки. Натянутые жилы с подвешенными камешками, которые издавали звон при малейшем касании... Пару петельных силков, способных задержать небольших зверьков... А также воткнул в землю несколько острых кольев, замаскированных травой, на тот случай, если хищник попробует подкрасться прямо к укрытию...

Для самой скалы он использовал другой метод. На её поверхности парень нанес тончайшие метки энергии – прозрачные глазу, но заметные для его восприятия. Это были едва ощутимые “царапины” силы, которые позволяли ему отследить малейшее смещение или всплеск. Чтобы не вызвать отклика или защитной реакции, он сделал их максимально слабыми, как дыхание ребёнка.

Кроме того, он рассыпал вокруг подножия скалы порошок из растёртых семян одной травы, обладавшей свойством впитывать тепло и оставлять следы. Если змея или любое другое существо будет часто выходить или входить через камень, на порошке должны были остаться характерные рисунки движения.

Парень понимал, что нужно отделить необычное от естественного. Поэтому следующие дни он посвятил изучению змей в округе. Он ставил небольшие силки и проверял, какие особи водятся на соседних лугах и в расщелинах. Обычные змеи, которых он ловил и наблюдал, вели себя привычно: они выбирали норы или пустоты под камнями, грелись на солнце, охотились на мелких зверьков, но ни одна из них не исчезала в сплошной стене. Он даже специально подманивал пойманных змей к скале, чтобы проверить, не реагируют ли они на неё. Но те либо уползали в сторону, либо, напротив, сворачивались кольцами и шипели, как будто чувствовали что-то чуждое. Это ещё больше усилило подозрения.

Каждый вечер парень записывал для себя – не на бумаге, её у него давно не было, – а в памяти, в особой технике внутреннего запоминания. Он чётко воспроизводил картину прошедшего дня. Сколько раз появлялась змея, откуда выползала, как долго задерживалась снаружи, чем занималась. Постепенно у парня складывалась полноценная схема. Змея выползала в основном утром и вечером, охотилась на мелкую дичь и всегда возвращалась внутрь скалы, словно там был её дом.

И всё это время метки энергии на камне оставались неизменными. Камень не “раскрывался”, не сдвигался, не выдавал ничего необычного. Но каждый раз, когда змея проходила сквозь него, парень ощущал лёгкое дрожание в глубине восприятия, как будто скала на миг становилась не совсем настоящей.

Он начал подозревать, что дело не в самой змее, а в том, что она является своего рода “ключом” или “носителем печати”. Обычная ли это тварь или особое существо, связанное с

маскировкой скалы – пока было неясно. Но одно он понял точно. Это место скрывает тайну, и открыть её напрямую, грубой силой, не получится. И поэтому он решил продолжать наблюдать, наращивая осторожно сеть меток и ловушек, и ждать момента, когда змея или сама скала выдадут больше информации.

Кирилл сначала относился к этому месту с крайним недоверием. Даже подойдя ближе, он ощущал нечто вроде внутреннего давления – словно сама скала предупреждала его:

“Не трогай.”

Поэтому он наблюдал издали, не рискуя нарушать чужую территорию, и всякий раз, когда змея исчезала в камне, чувствовал спазм в груди. Но чем дольше он сидел в укрытии и сравнивал факты, тем яснее вырисовывалась закономерность.

Он заметил, что мелкие зверьки – зайцы, птицы, грызуны – спокойно пробегали мимо этой скалы, и никакой реакции не следовало. Более того, иногда целое стадо травоядных проходило прямо у подножия, и камень оставался немым, мёртвым. Но стоило змее “выставить нос” наружу – тонкий раздвоенный язык мелькал, словно пробуя воздух, и тогда любое живое существо мгновенно замирало или бросалось врассыпную, будто чувствовало смертельную опасность.

Кирилл прищурился, фиксируя в памяти эти картины. Значит, пока змея полностью “погружена” внутрь, она будто исчезает из реальности. Не видит и не чувствует ничего снаружи. Но когда высовывает часть тела – она снова в мире, снова чувствует и может охотиться. Это открытие поразило его. Так как понял, что не сама скала скрывала тварь, а скорее “поглощала” её, лишая всех связей с окружающим пространством.

Внезапно к нему пришла весьма пугающая мысль. Выходит, внутри камня – не пустота и не нора, а нечто вроде другого слоя мира. Место, где змея как бы переставала существовать для здешней реальности.

И всё это было связано с тем самым узором, что он заметил на скале. Когда Кирилл в очередной раз осматривал поверхность камня, то всё же заметил, что в центре плиты шёл особый рисунок линий, который раньше казался парню всего лишь хаотичной сетью трещин. Но если на них смотреть дольше, то эти линии складывались в строгий орнамент, уходящий вниз, точно по вертикали.

Узор действительно напоминал старинную вышивку, какие он помнил по фотографиям прадеда-лесника. Ровные линии... Шевроны... Ромбы... Словно “дорожка” вышивки от воротника вниз по груди рубахи.

Совпадение показалось Кириллу слишком уж странным. Почему именно такой узор? Случайность ли это, или же в глубине чужого мира таились символы, отдалённо схожие с земными берегами? И именно в этот момент у него впервые закралось подозрение того, что, может быть, эта змея – не просто хищник, а хранитель или страж чего-то, что скрывает эта “вышитая” скала. Эта мысль была опасной, но и притягательной. Она разожгла в нём желание докопаться до сути, даже несмотря на страх.

Поэтому Кирилл дождался, когда змея, в очередной раз вытянувшись из камня, поползла к ручью. Он не шелохнулся, пока её тело, переливающееся бледными прожилками света, не скрылось в высокой траве. Только тогда позволил себе осторожно выйти из укрытия. Сердце билось учащённо, руки были влажными от пота, и всё же его тянуло к скале, как будто невидимая сила шептала:

“Подойди... Коснись...”

Осторожно приблизившись, он остановился перед обнаруженной “вышивкой” на каменной поверхности. Приглядевшись к этому “рисунку” более тщательно, парень понял, что вблизи эти линии выглядели ещё чётче. Это были не трещины... Не игра минералов... Каждая черта шла под строго выверенным углом, словно их когда-то нарисовал или вырезал невидимый мастер. Кириллу на миг показалось, что он снова стоит у шкафа прадеда, где висела ста-

ринная льняная рубаха с красной нитью вдоль груди. Точно такие же орнаменты, только здесь – холодные, серые, каменные.

Он поднял руку и нерешительно коснулся пальцами центра узора. В первый миг – ничего. Шершавая поверхность камня была прохладной и сухой. Но стоило ему только задержать ладонь чуть дольше, как внезапно прокатился лёгкий толчок. Будто между кожей и скалой проскочил слабый электрический разряд. Кирилл дёрнул пальцы, но не отскочил – наоборот, снова прижал ладонь.

И тогда парень почувствовал, что за слоем камня, именно под этим рисунком, нет привычной плотности. Ему показалось, что там... Пустота... Но не обычная пещера. Нет... Эта пустота отзывалась на его манипуляции. Она будто жила, вибрировала, и её глубина казалась странно правильной. Кирилл, сам того не желая, попытался “нащупать” её воображением, как когда-то настраивал систему на работе, рисуя в голове структуру каталогов и таблиц. И картинка сложилась почти сразу. Ровные грани... Линии... Прямые углы...

Куб. За камнем прятался не хаотичный карман воздуха и не естественная полость, а чёткая, словно высеченная в ином пространстве форма. Слишком правильная для природы, слишком искусственная. Его пробрала дрожь.

– Чёрт... – Прошептал он сам себе, сжимая пальцы в кулак.

Этот странный мир снова играл против привычной ему логики. Сначала вода, что течёт вверх. Потом узоры, что смотрят. Теперь – каменная “вышивка”, ведущая в идеальный куб внутри скалы. И вместе с этим открытием в груди поселилось новое чувство, что это место ждёт. Ждёт, пока он сделает следующий шаг.

Он подошёл к скале тихо и намеренно – так, как ходят охотники на кабанов. Ровным шагом. Без лишнего шороха. И каждое его движение было тщательно выверено. Змея в сумерках выглядела ещё внушительнее. Тело толщиной с его бедро, длина, что казалась бесконечной, чешуя, играющая серо-зелёным металлом. Она кое-как отреагировала на его запах и на лёгкий шум, но не успела дрогнуть – Кирилл был готов.

План родился быстро и грубо, как всё, что сейчас делал он в этом мире. Копьё и несколько примитивных капканов-петель, разведённый огонь, готовая ловушка. Он поставил точку наблюдения в небольшой ямке, выровнял зрительную линию и подложил несколько ветвей, чтобы звук шагов не выдавал место его укрытия. Копьё держал наготове. В голове вертелись простые инструкции. Не дать змее обвить себя... Старательно держать дистанцию... И не давать ей развернуться...

Когда она всё же подняла голову, он кинулся вперёд. Его копьё вошло в её бок с тяжёлым звуком – не мгновенно смертельно, но глубоко. Змея буквально взвыла шипением, замахнулась хвостом, удар – и копьё дрогнуло. Она пыталась опутать своим телом древко... Попыталась закрутиться вокруг него самого... Но в этот миг Кирилл отступил, вцепившись в древко обеими руками, и с усилием повёл назад – чтобы не дать ей взять его в кольцо. Парная борьба длилась минуты, но минуты на голодном и чужом сердце тянулись как часы. Змея придавливала... Сдавливала воздух... Её сила была нечеловеческой... Он делал выпад, отталкивался ногами, бросал камни в голову, искал точку, где можно вонзить лезвие снова.

Наконец, с криком и рывком, копьё прошло шею ниже головы – там, где тело переходило в шею, в участок, который он считал наиболее слабым. Тварь дернулась, бросила последний попыткой опутать его, и рухнула на бок, тяжёлая, хрипящая, постепенно переставая биться. Кирилл упал на колени, дышал так, будто всю ночь бегал. Руки дрожали, в ладонях – липкая кровь, сердце стучало как молот.

Он не торопился праздновать. Сначала – выждать. Подождать, пока из тела не уйдёт последнее напряжение, пока дыхание не станет ровным. Только когда дыхание стихло, он позволил себе подойти и заглянуть в глаза зверю. Минуту смотрел на смутные зрачки, и где-то в

животе у него что-то отозвалось. Этакое уважение и... Холод... Это был трофей, но это была и угроза, забытая на минуту.

Разделка туши началась по отработанному сценарию, но с осторожностью и новым ритуалом. Сначала отрезать голову, чтобы обезопасить себя от рефлексов... Потом аккуратно снимать кожу, не порывая пластов чешуи, которые могли пригодиться как броня... Кожа снималась туго. Чешуя цеплялась за мясо, отрывалась с усилием, под ней шло плотное мясо, вонючее и тёплое. Кирилл использовал нож – каменное лезвие – и кость-шило, чтобы аккуратно поддеть края и вести разрез по ходу чешуи. Он действовал так, чтобы сохранить целыми большие пластины, которые позже можно будет пришивать, набивать, использовать как накладки-пластины для брони.

Когда добрался до шеи, сердце защемило. Там, в том самом месте, где шея переходила в туловище, он наткнулся на плотное образование, не похожее на хрящ или кость. Это был снова тот же маленький кристалл – размером с ноготь большого пальца, сияющий холодным внутренним светом. Он вытащил его осторожно, и кристалл почти резанул взгляд – внутри играли переливы, которые напоминали пульсацию. От прикосновения к нему по коже пробежала лёгкая дрожь, как в прошлый раз. В руке камень был тяжёлым и тёплым от недавно угасшей плоти.

Кирилл положил кристалл в складку своей куртки. Сейчас уже изношенной, тонкой, местами порванной и пахнувшей дымом, после чего дал себе минуту, чтобы собрать мысли. Внутри было одновременно облегчение и напряжение. С одной стороны – это были ресурсы. Шкура, мясо, кристалл... А с другой – новая ответственность. Теперь он стал хранителем силы, которую проще привлечь, чем спрятать.

Мясо он разделал достаточно быстро. Большие куски мякоти он нарезал на полосы и развесил над костром для предварительной сушки. Остатки принялся запекать и есть немедленно. Запах жарящегося мяса медленно, но неумолимо растекался по долине, и Кирилл боялся только одного. Что этот сильный запах привлечёт хищников. Но риск оказался оправдан. Он наелся, и в животе появилось устойчивое тепло – не голодное, а рабочее и насыщающее. Шкуру же он скрупулёзно обрабатывал – счищал жир, промывал в ручье, набивал древесным углём внутрь, чтобы вытянуть лишнюю влагу и сохранил структуру чешуи. Большие пластины он подвесил в тени, закрепив на просто натянутых в пещере ветках для просушки.

На следующий день Кирилл усилил наблюдение у скалы. Так как он хотел понять, была ли это единственная змея-хозяйка этого странного узора или их было больше. Он организовал “часовой” режим наблюдения. Утром... Днём... И вечером... Делал короткие обходы и наблюдение из укрытия. Вокруг скалы он поставил те же метки и порошки, проверял следы, слушал ветер. Внимание было нацеленное на то, что нет ли поблизости никаких следов соперников, нет ни яиц, ни других выдолбленных нор – только отпечатки долго жившей одной большой змеи. Песок и порошок фиксировали лишь её переходы до гибели от рук Кирилла. Туда и обратно, выход на охоту, возвращение.

Дни шли в монохромной череде. Проверка ловушек... Обработка добытых шкур... Разделка мяса для сушения новых запасов... Присмотр за кристаллом и ночные вылазки для контроля огня. Иногда он подманивал и других мелких зверей, чтобы не расходовать больших ресурсов. Иногда же – радовался случайным трофеям. Но ни разу не видел, чтобы в той самой скале кто-то ещё жил. Ни песчинки, ни следа другого тела не обманывали взгляд – там, где прежде выглянула змея, больше никого не было.

Со временем пришло понимание, что эта скала была её домом. Возможно, единственным. Возможно, тот самый странный “карман” внутри скалы был уникален и создан для одной сущности, которая и становилась его хранителем. И тогда мысль, которая сидела в голове Кирилла с первого прикосновения к узору, о кубе внутри, перестала быть абстрактной. Если внутри был куб, и если он прячет только одну жилую нишу, значит, есть шанс войти – но нужно сделать это аккуратно и подготовленно.

Он провёл ещё несколько дней в наблюдении. Всё также искал малейшие признаки того, что внутрь заходили другие существа, ждал реакции скалы на внешние провокации, изучал, как кожа змеи взаимодействует с узором на самом камне. Он пробовал аккуратно поднести кусок шкуры к узору, прикоснуться – и камень шевелился лишь слабой вибрацией, не раскрывая прохода. Но отсутствие других жителей и тот факт, что змея была единственной, кто пользовался этой “дверью”, дали ему смелость. Входить стоит не сразу, но попытка всё-таки нужна.

Наконец он решился на это. И сначала дал самому себе несколько дней на сушку шкур и на ревизию снабжения, а затем решил всё же попробовать войти в камень. В голове зрела стратегия. Не врываться в куб лбом, а попытаться “разговориться” с узором, воспроизвести ритм, который вызывал появление змеи, тот самый, что она использовала, высовывая нос. Если скала – маска, то, возможно, есть код, похожий на сигнал, ключ, который позволит ей открыть карман. И кристалл, лежащий теперь у него в кармане, мог оказаться частью этого кода – или хотя бы подсказкой...

.....

Он посмотрел на свой трофей – шкуры, мясо, костяные орудия, и на кристалл, сжав ладонь вокруг него. Ночь клонилась к закату, огонь в пещере уже тлел. Внутри у него возникло состояние странной готовности. Он стал ближе к этому миру не как случайный пришелец, а как участник, который уже и кровью, и потом, и страхом заплатил за право на слово. И на следующий день он начал действовать.

Парень действовал осторожно, будто имел дело не со скалой, а с живым существом. Он несколько дней подряд возвращался к этому месту, запоминая узор всё лучше. Как расходились линии... Где они сходились в узлы, как будто образовывая петли, словно на старинных вышитых рубахах... Но чем дольше он смотрел, тем яснее понимал – это не орнамент ради красоты, это механизм, замок, застёжка. И хотя внешне рисунок напоминал резьбу по камню, при внимательном прикосновении пальцами чувствовалось, что линии уходят куда-то глубже, словно были врезаны не только в саму структуру скалы, а даже в пространство. Местами они чуть вибрировали, будто в них всё ещё идёт ток силы.

Его первый порыв был – ударить по этим линиям камнем или ножом, но он вовремя остановился. Ведь это была слишком тонкая работа, здесь любое грубое вмешательство могло разрушить сам “механизм” прохода. Вместо этого он стал искать некий центральный узел – ту самую точку, где энергия должна сходиться.

Он пробовал прикладывать руки в разных местах, концентрируя внутреннюю силу, пускал слабые волны энергии, пытаясь уловить ответный отклик. Несколько попыток закончились ничем. Либо рисунок оставался холодным и безмолвным, либо наоборот вспыхивал лёгкой рябью, но затем тут же замирал.

Раздражение в его душе боролось с всё возрастающим азартом. Но наконец, на одиннадцатый раз он догадался совместить усилие не прямое, а скользящее – словно не толкнуть дверь, а нажать в сторону, как на скрытый язычок замка.

В этот момент один из угловых узоров будто ожил. Линии начали переливаться мягким светом, будто в них пробежал жидкий металл. В этот момент его сердце стало биться чаще. Он тут же остановился, не решаясь шагнуть. Вместо этого парень взял длинную сухую палку и осторожно коснулся ей “вышивки” в том месте, где свет пробежал сильнее всего. Палка на миг прошла сквозь камень, будто в воду, а потом застряла, оставшись наполовину по эту сторону. Дерево не исчезло и не распалось – значит, смертельной ловушки здесь нет. Так что он вытащил палку, внимательно осмотрел – никаких повреждений. Тогда решился на следующий шаг. И протянул вперёд руку.

Его пальцы встретили не холод камня, а странную упругость, как будто он погрузил ладонь в прохладный воздух, чуть густой и вязкий. Пальцы прошли внутрь, и он ощутил

пустоту – гладкую, ровную, как будто поверхность стены внезапно обрывалась, открывая пространство.

Это было невозможно спутать. За рисунком располагалась не просто ниша, а настоящее помещение, причём не природное. Там чувствовалась симметрия, геометрия, почти правильная форма. Даже через едва приоткрытый проём ощущалось – пространство внутри было построено искусственно. И отчётливее всего ему в голову приходила мысль, что это точно был куб. Правильный, строгий куб, спрятанный в сердце этой скалы, словно кто-то воздвиг его нарочно, а потом закрыл “вышивкой” печатью.

У него по спине пробежали мурашки. Змея лишь нашла удобное логово. А кто и зачем построил куб – вопрос куда более серьёзный. Он долго стоял на границе, ощущая прохладу неведомого пространства, пока решился – и шагнул внутрь.

Сначала его накрыла тишина, особая, глухая, словно он вошёл в сосуд, вырезанный из цельного куска камня. Воздух внутри был неподвижным, но не затхлым – скорее вязким, плотным, пропитанным чем-то, что он не мог сразу определить. Ни пыли, ни запаха плесени – лишь лёгкий привкус минералов на языке и едва уловимое шипение, как будто звук далеко за стенами.

Едва глаза привыкли к темноте, он понял – куб внутри не был пустым. Первым делом взгляд наткнулся на кучу старых шкур и сброшенных оболочек – логово змеи. Огромные кольца старых линек, сложенные слоями, пропитанные запахом ядовитой плоти, лежали почти у самого центра. Места там было достаточно, чтобы существо обвивалось кольцами и дремало десятилетиями, и всё же он сразу отметил то, что понял. Убитая им змея не создавала это пространство. Она лишь приспособилась и жила в нём.

В углах он различил нечто совсем иное. Выстроенные в строгом порядке самые разные и даже резные полки, гладкие, словно их выточили инструментом. На них лежали ящики, некоторые приоткрытые, но большинство – закрытые и покрытые тонким слоем каменной пыли. И чем больше он вглядывался, тем отчётливее понимал, что это не природные образования, а настоящий склад, созданный человеком или кем-то разумным.

Обнаруженные им в углу сундуки особенно бросались в глаза. Они выглядели так, словно сошли со страниц какой-то сказки. Массивные, деревянные или каменные, окованные железными и бронзовыми полосами. Некоторые были украшены узорами, похожими на руны или завитки старинной вязи. Он медленно провёл ладонью по крышке ближайшего – металл холодил, но под пальцами пробегали едва уловимые волны энергии.

Он отступил, ощутив внезапное давление. Магические линии, тянущиеся по крышкам, сливались в сложные узоры, напоминающие защитные печати. Они словно дышали своей силой, и от этого казалось, что сундук живой. Он попытался поднести руку ближе – и сразу же ощутил резкий толчок, словно чужая воля оттолкнула его.

Заметив рядом на полу следы – глубоко вдавленные в камень изгибы, оставленные тяжёлым телом змеи, – он понял главное: за всё время, что существо жило здесь, оно ни разу не тронуло сундуки. Более того, змеинные следы обходили их стороной, словно сама тварь чувствовала какой-то своеобразный запрет и даже страх перед этой силой.

В этот момент его пробрало дрожью. Это место не было просто скальным убежищем. Кто-то когда-то сделал его тайным хранилищем. А змея оказалась всего лишь стражем, пусть и неосознанным.

Кирилл поднёс ладонь к одному из сундуков, решившись проверить, насколько опасен этот рисунок на крышке. На мгновение показалось, что линии – всего лишь украшение, но стоило пальцам коснуться холодного металла, как они вспыхнули, будто налились синеватым светом.

Холод ударил в руку, словно его окунули в ледяную прорубь. Он едва успел одёрнуть ладонь – и это спасло его. Узоры ожили, как сеть, и энергия рванулась наружу, по капиллярам линий растекаясь по самому сундуку, а затем и по полу вокруг него.

Ощувив это, Кирилл инстинктивно отпрянул, резко отпрыгнув назад. В ту же секунду из воздуха прорезался треск, и на месте, где он только что стоял, пол мгновенно покрылся толстым слоем инея. Лёд выступил не только на камне, но и в воздухе, словно тонкие хрустальные нити, переплетаясь в решётку.

Он замер у стены, сдерживая дыхание. Лёд вспыхнул призрачным сиянием, как будто пытаясь ухватить жертву, но, не обнаружив её, застыл в странной красоте, и вскоре начал медленно осыпаться, словно растворяясь в пространстве.

– Ловушка... – Глухо пробормотал он себе под нос. – Чистая магия льда.

И тут его озарило. Всё это время он видел узоры – линии, которые тянулись по крышкам, по стенам, по самому пространству. Он воспринимал их как нечто само собой разумеющееся, словно второе зрение, обострённое после попадания в этот мир. Но сейчас он понял, что обычный вор, даже самый хитрый, просто не заметил бы этих линий. Он сунул бы руку – и замёрз заживо.

А он видел. Он мог различать структуру, как будто смотрел не только глазами, но и внутренним чутьём. Это не было врождённой особенностью этого мира – это было его, Кирилла, что-то, что пришло вместе с ним сюда.

Его сердце забилося быстрее. Значит, такие ловушки рассчитаны на незрячих. На тех, кто воспринимает мир только глазами. Создатель же этих защит даже не предполагал, что кто-то способен увидеть самое полотно магии, словно вышивку, прежде чем активировать её.

Кирилл выдохнул, понимая, насколько случай сейчас спас ему жизнь. Его тянуло попробовать ещё раз – но теперь осторожно, медленно, с расчётом. Немного погодя он снова стоял над сундуком, и вокруг него висела та же тишина, что бывает в серверной утром, когда все лампы ещё тлеют в мягком сумраке – только здесь лампы были рунными линиями, а вместо проводов – каменные жилы. Он прижал ладонь к холодной крышке и позволил себе на мгновение погрузиться в ту странную логику, которая теперь жила в его голове. Если это защита – значит у неё есть алгоритм... У неё есть входы и выходы... Триггеры... И питание... И если у неё есть алгоритм, значит, его можно прочесть.

Со всеми предосторожностями вытащив сундук из монолита скалы, он сел на корточки, как чинный техник перед щитом управления, и достал из пояса тонкую палку – не потому, что мечтал с ней драться, а потому что она была его первой “зондовой” программой. Палка – как указатель курсора, как шуп осциллографа. С помощью которой он мог поводить по линиям, не нарушая их целостности. Ветер шевелил сухую траву, и метель из пыли от старой пыли казалась ему теперь шумом фонового процесса, который нужно было отфильтровать.

Он посмотрел на узор как на код. В уме провели строки:

“Если-вход = касание → выдавать лед”... “если присутствие постороннего в зоне → активировать защиту.”

Он по-прежнему был тот, кто привык дробить проблему на блоки. Вход... Обработка... Выход... Весь рисунок был для него программой. Только вместо битов – свет, вместо проводов – прорезы в камне.

Касанием палки он осторожно прочёкивал самые тонкие прожилки – они откликались чуть ярче. Другие, толстые, вели к орнаменту вокруг замковой щели, и в отдельных местах свет гас, как будто процессор снижал частоту такта. Он отметил это:

“Низкая частота – потенциальное окно.”

Аналитик в нём радовался – в любой сложной схеме есть моменты, когда буфер переполняется, когда можно подать неправильный импульс и заставить устройство временно замолчать. Затем он принялся за “распайку” – трогал палкой те линии, что казались массивнее. Там

почувствовалась вибрация, тонкое жужжание внутри камня, как будто в жиле текла энергия. Кирилл вспомнил студенческие часы у осциллографа. Там, где сигнал сильный, амплитуда велика... Там, где он теряется – фаза сдвинута... Он мысленно проводил графики над рисунком. Пиковые точки... Узлы... Пересечения... В нескольких местах он увидел нестыковки – участки, где орнамент вёл себя иначе. Линии заканчивались тупо, не замыкаясь в круг, как будто кто-то оставил там отладочный “холостяк”. Он аккуратно отметил их на памяти:

“Точка А... Точка В... Точка С...”

Память – его блокнот теперь. Затем он переключился на электротехнику из головы. Если есть линии тока, значит где-то есть источник. И источники принято искать по направлению к самым толстым жилам. Он приложил палку к более толстой линии и стал прислушиваться – не собственным слухом, а этим новым зрением-ощущением. По жиле шло что-то тёплое, устойчивое; оно вело к одному месту, к “узлу”, где узор сходилась в плотную тьму.

Он вспомнил о кристалле в руке – о том маленьком “сердце”, что нашёл в шее змеи. Может, думал он, это и есть заряд батареи, ключ к запуску. Но как электрик, который не включает питание до проверки цепи, Кирилл понимал, что кристалл – это часть схемы, но не обязательно источник всей энергии. Источником мог быть сам куб в скале, глубокая линза силы, которую нельзя просто вытащить, не нарушив систему.

Он решил действовать методом тестов. Вся его аналитическая натура требовала малых шагов, итераций:

“Ввод – наблюдение – отклик – коррекция.”

Первый тест был прост. Он попробовал “переменить фазу” – приложил к одному узлу палку, а к другому – влажную тряпку, создав локальное изменение проводимости. В электрических терминах он сделал мелкий “шунт”, пустил ток в обход части линии. Узоры, словно ощутив изменение, слегка дёрнулись, и покрывающая пространство вокруг них синяя вязь отошла, уменьшив силу. Значит – живые цепи можно сбить помехой. Значит – защита чувствительна к дисбалансу.

Поняв это, он перешёл ко второму приёму – поиску “заземления”. В электронике часто нейтрализуют зловредную помеху, создавая путь на землю. У Кирилла в голове промелькнула картинка. Влажный камень... Плотный контакт... “Земля” – и он начал эксперимент. Сначала пробовал раскалённый металл... Нет. Слишком агрессивно... Потом тёр по камню прямо под узором мокрым куском шкуры, чтобы создать влажный контур. Вода тут играла роль нейтрализатора. Она разбавляла строжайшую структуру узора в точке опоры, и защита отозвалась слабее. Это было мало – но уже окно.

Следующим шагом он обратил внимание на “фазовые узлы”, места, где линии пересекались под непривычным углом. Они крестились в точках, которые, по сути, были своеобразными “реле” – ключами, или переключателями. Кирилл понял, что если ввести ложный сигнал в нужной последовательности, то такое реле можно временно запереть в состоянии “off”. Как программист передает пакет с неправильным заголовком, чтобы сервер не распознал запрос – так и он пытался “обмануть” замок.

Практика пришла в форме смешивания. Палка касалась первой точки, тряпка – второй, мокрая жила – третьей. Он держал паузу, наблюдая. Узоры пульсировали по-разному, и в какой-то момент одна из “жил” заглохла, как экран, лишённый подсветки. Это была не победа, но сигнал, что даже эта схема имела уязвимость – временную. Её можно было расширить. Но самый опасный эксперимент он оставил на десерт:

“Имитатор входа.”

Он сделал это так, как делал бы хакер, клонируя пакет. Взял небольшой кусочек остатков шкур – тот же материал, что покрывал шею змеи – и прижал его к замысловатой точке, пытаясь выдать чужеродный “биосигнал”. Шкура, насыщенная остаточной энергией зверя, служила как подделка идентификатора. Узоры отреагировали, но не агрессивно – как старый сторож,

узнав фальшь, но не кусающий. Пул из линий стал смещаться, и Кирилл увидел, что их ритм меняется в ответ на этот “поддельный” вход.

И вот тогда он понял главное. У этой защиты есть три уровня – пассивный, структурный орнамент... Активный, ледяная ловушка... И идентификационный, биологическая связь. Чтобы открыть сундук безопасно, нужно работать с первым двумя. Сначала сбить питание активного слоя помехой и “заземлением”, затем имитировать корректный идентификатор, чтобы идентификационный слой не сработал.

Его аналитический мозг начал выстраивать процедуру. Аккуратный “шунт” – мокрая шкура под краем, палка на точке А, тряпка на точке В, и на одну секунду – ввод “биоподписи” – ткань с запахом змеи – чтоб система решила:

“Это своё, я не активирую лед.”

За секунду до этого он планировал поджечь маленькую смолу и направить её пар через канал – тепло сместит фазу и обезопасит край. Все эти шаги – как строки в программе – должны быть совершены синхронно, иначе алгоритм сработает, и он замёрзнет.

Итогом тщательного анализа стало то, что он не решился распилить или ломать узор. Он нашёл метод мягкий, фактически “инжиниринговый”. С помощью которого он не ломал систему, а пытался “вежливо” её перехитрить. Своей практической электротехнической смекалкой он нашёл питающую жилу и способ завести её на короткое замыкание, создав временное “тихое окно”. С комбинацией из мокрой шкурки, подложенной под узор, и имитирующей биосигнал ткани, он мог попытаться открыть сундук, не вызвав ледяной сети.

Немного погодя он встал, глядя на своеобразную карту узора, и впервые за долгое время улыбнулся – тихо, как человек, который только что нашёл уязвимость в чужой системе. Мир оставался страшным и загадочным, но в его руках теперь была схема, и схема – это приглашение.

Войдя в это странное место снова, он уже собирался вернуться к сундукам – к их холодным крышкам, к шёпиту узоров – когда взгляд зацепился за нечто, что будто лежало в тени, совсем у самой стены куба. Сначала он принял это за грудку тряпья, выброшенных материй, но шаг ближе – и сознание у него включилось с той скованной торопливостью, которой люди пользуются перед тем, как открыть гроб – осторожно, с уважением и страхом.

Там, среди пыльных досок и обёрнутых в шкуры свёртков, лежали какие-то кости. Практически целый набор. Не грубо-медвежьих... Вообще не звериных... А тонких, словно сделанных не из настоящей кости, а из высохшей древесины. Они были не только хрупки – они были достаточно длинны. Бедренная кость вытянулась словно шест... Голень была прямой и изящной... Кости пальцев – будто палочки, длинные и цепкие... Череп, который вывалился из-под полузадернутой ткани, был не круглый и не широкоголовый, как человеческий. Он был сужен у висков, а глазницы – большие и овальные, как два оконца в старом домике, оставленные для воздуха. Челюсть была аккуратной, не широкой, зубы мелкие.

Кирилл почувствовал, что у него в горле пересохло. Ранее это точно был не труп человека. Не в той грубой, земной пропорции, к которой его мозг привык. Это было “человекообразное”, но точёное и вытянутое, как если бы кто-то взял человеческий силуэт и потянул его за верхнюю кромку, вытянув вверх, сделав более лёгким, менее привычным.

Он опустился на колени и, опираясь на локти, стал рассматривать находку ближе. Между рёбер – если это можно было так назвать – лежали остатки ткани, тонкой и светлой, словно её ткали из паутины. Ткань не имела запаха плесени. Скорее, она пахла сухой пылью и чем-то старым. Запахом вещей, которые долго лежали в сундуках забытых домов. По краям материи бегали узоры, вышитые нитями, сейчас почти стёртыми, но когда свет от активировавшихся магических линий узора стенок куда коснулся их, нитки заиграли цветом тёмного металла.

На запястьях рук кости сохранили намёки на браслеты. Плотные кольца, обтянутые тонкой полосой кожи и усыпанные мелкими металлическими вставками. Они были украшены не

булавой и не грубой чеканкой – узоры плавали, как речные волны, и казалось, что маленькие символы врезаны туда рукою, которая знала меру и терпение. Рядом лежал пояс – кожаная лента, давно высохшая, но всё ещё сложная. К ней были пришиты какие-то пряжки и мелкие мешочки. Один из мешочков был приоткрыт. А внутри можно было увидеть сухую смолу и что-то, похожее на порошок, светившийся бледным голубоватым светом при слабом свете пещеры.

Под костями он увидел сумку – кожаную, но тонкую, как пергамент, с плавными линиями швов. Застёжка у сумки была миниатюрной, и прищепка украшена теми же извивами, что и узоры на скале. Наконечники копий, торчащие рядом, были тонкие, как иглы, и их лезвия отличались от тех, что делал он из кости. Они были кованые, с аккуратно проточенным долом и с маленькими гравировками вдоль сердцевины. На некоторых наконечниках угадывались тёмные полосы – следы от ожогов или от того, что он давно не видел. Остатки магии, что явно свидетельствовало про явные попытки “зарядить” металл светом.

Всё вместе – кости, одежда, украшения, оружие – складывалось в образ не грубой битвы, а ответственного быта, словно здесь когда-то жили не дикари, а те, кто умел шить тонкие пояса и ковать стрелы с узорчатым сердечником. Кирилл думал о сундуках и пытался просчитать, кто сделал эти вещи? Кто стал бы хранить такие вещи в глубине куба, спрятанные от всего окружающего мира? Это был результат работы рук, возводивших культуру, знавших о красоте формы и порядке вещей.

В уме его, аналитика и мастера таблиц, возник набор гипотез, переплетающихся и падающих друг на друга, как падают карты при неумелой руке. Возможно, это были останки странника – странно высокого, худого, отличного от его собственного народа. Возможно, это был вид людей, которые жили в этой долине до змеиных дней. Может, это были погребальные останки – ведь тела иногда клали в хранилища, оберегая вещи на случай возвращения. А может – и эта мысль пришла к нему, как холодный ветер – это и вовсе не человек.

Он провёл пальцем по тонкому черепу, не дотрагиваясь до хрупкости, и ощутил под ним будто эхо чужой собственной культуры. Мелкая гравировка у виска, тонкий след от ткани – всё это говорило о чём-то втором, более тонком, чем грубая человеческая практика.

В ответ на это откровение к нему пришло негромкое, но твёрдое чувство – не страх, а уважение. Эти кости были следом чьей-то истории, памятником жизни другого порядка. И то, что они лежали здесь, в кубе, вместе с сундуками и печатями – означало только то, что этот куб был создан не просто как склад хлама, но как место, где хранят знание, вещи и память.

Кирилл отступил на шаг, опираясь ладонью о камень. В голове зазвучал вопрос, жёсткий и простой. Стоит ли продолжать рвать печати и вскрывать сундуки, не зная, кому они принадлежали – и не навлечёт ли это на него чьей-то старой вражды? Или же это шанс понять, что за разум когда-то правил этими землями?

Ночью, сидя у тлеющих углей, он смотрел на кости и чувствовал, как в груди что-то меняется. Это было начало понимания, что мир этот – не просто набор опасностей. В нём жили, любили, делали вещи, и он, чужак, теперь держит в руках обрывки чужой цивилизации.

Парень медленно присел на корточки, вытянув руку к куче пыли и костей, осторожно раздвигая обломки и остатки ткани. Сначала ему показалось, что это просто давно истлевшее тело – как если бы змея притащила сюда чьи-то кости. Но чем дольше он смотрел, тем больше понимал: перед ним – что-то совершенно иное.

Кости были не человеческие. Слишком тонкие, словно их вырезали из фарфора, и при этом невероятно длинные. Даже лежа в беспорядке, они складывались в фигуру, которая, если бы поднялась, возвышалась бы над Кириллом на голову, а то и больше. Тонкие предплечья, вытянутые пальцы, череп с удлинённым затылком – всё это выглядело знакомым и чужим одновременно. В памяти всплыли картинки из детских книг о “древних”, о существах из легенд, но ни одна из них не совпадала полностью с тем, что он видел.

Одежда сохранилась достаточно неплохо. И отдельные фрагменты всё ещё держались. Ткань, хоть и потрёпанная, была явно сделана из чего-то не похожего на хлопок или шерсть. Блеск волокон напоминал затвердевший лён, переплетённый с чем-то металлическим. На руках выделялись браслеты – тонкие, с узорами, похожими на те же линии, что были выгравированы на сундуках. Один браслет лопнул, будто не выдержав давления времени. На поясе висел странный тёмный ремень, и к нему был прикреплен небольшой мешочек, уже почти истлевший, но с металлической застёжкой, украшенной знаком – круг, разделённый на три части, будто спираль внутри круга.

И рядом, на камне, лежали оружие и вещи. Копьё – длинное, с древком, которое выглядело так, будто сделано не из дерева, а из какого-то лёгкого серого материала, словно пластик, но холодный, как металл. Лезвие поблёскивало даже в полумраке, и Кирилл заметил на его поверхности гравировку, которая чуть светилась, словно вдыхала в себя окружающую энергию. Рядом с ним – нож с узким клинком, у основания которого были странные символы, почти напоминавшие матрицу микросхемы.

Но всё это померкло, когда он заметил другой предмет. Он выглядел чуждым в этой куче, как будто не принадлежал эпохе оружия, сделанного руками. На первый взгляд – пистолет. Но слишком необычный. Без привычного курка, без магазина. Литой, гладкий, будто его отпечатали цельным куском неизвестного материала. Вдоль ствола шли тонкие канавки, по которым пробегал лёгкий голубоватый свет, и этот свет не угасал, словно предмет питался от источника, которого Кирилл не видел.

Он осторожно протянул руку, дотронулся кончиками пальцев до рукояти – и тут же ощутил дрожь, будто в ладонь ему ударила невидимая искра. Предмет был тёплым. Тёплым, как живое тело.

– Чёрт... – Прошептал он. Перед его глазами, словно в мозгу, мелькнула мысль о том, что это точно было оружие. Не просто пистолет, а что-то, что выстреливает светом, плазмой, лазером – он не знал, как это назвать, но чувствовал.

В то же время его смущало соседство этого артефакта с копьем и ножом. Это было всё равно что увидеть айфон рядом с мечом из бронзы в гробнице древнего вождя. Два разных мира, две эпохи, и обе одинаково реальны.

Он вертел находку в руках, то поднося ближе к глазам, то отдаляя, прислушиваясь к лёгкому гулу, будто внутри предмета шло постоянное движение энергии. От него веяло мощью – и опасностью. Кирилл вдруг поймал себя на том, что боится случайно нажать не туда, хотя рукоять и поверхность оружия не имели привычных кнопок.

Он снова посмотрел на скелет. Кто это был? Человек? Вряд ли. Слишком высокий, слишком вытянутый. И если это был хозяин сундуков... То, что это за оружие у него в руках? Почему оно оказалось в месте, где змея обитала десятки лет? И почему всё это кажется таким... Чужим, почти инопланетным?

Сейчас он чувствовал, что разгадка здесь не в сундуках и даже не в магии льда. Настоящая тайна начиналась именно с этих костей, этих вещей и оружия, которое не могло существовать рядом с древними узорами на камне. Тем более, что он не понимал того, как эти останки вообще оказались в этом месте. Так как ситуация была странной именно в том, что случайно оставленный им кусочек свежее-зажаренного мяса, за несколько часов пока его рядом не было, так и не остыл. Не говоря уже о том, чтобы испортиться. К тому же, внимательно присмотревшись к этим останкам, парень понял, что они не просто оказались там. Случайно. Их кто-то намеренно там выложил. Зачем и почему? Этот вопрос, возможно, навсегда останется без ответа. Так как он понял, что в этом месте время словно застывает на месте.

Немного позже Кирилл вернулся в свою пещеру точно с тем чувством, с каким возвращается программист к выключенному компьютеру, держа в голове стек ошибок и патчей: нужно воспроизвести ошибку, найти вход, не ломая систему. На столе у входа он разложил трофеи –

куски чешуи, полоски шкуры, кристалл в маленьком мешочке, и – главное – память о рисунке на скале. В голове у него теперь был не просто орнамент, а последовательность, набор “точек входа”, которые он видел на скале. Он видел их, как кто-то видит поток машинных логов: время, амплитуда, порядок.

Первым делом он сделал карту. Не на бумаге, бумаги у него просто не было, а на земле перед собой, в пепле и трухе. Палкой он вычертил линию, потом ещё одну, соединил их узлами, точно так же, как программный аналитик чертит блок-схему перед правкой кода. Эти узлы – “А”, “В”, “С” – он отмечал кусочками угля и кусками камня, чтобы рука знала, где нажать. Его каракули были одновременно молитвой и инструкцией. Так как он пытался воспроизвести порядок, а не силу.

Затем он принялся за материалы, которые могли бы служить тут “проводами” и “конденсаторами”. Наученный недавним опытом, он знал, что вода и шкура меняют проводимость, смола и уголь – фазу. Так что он разложил влажную тряпку так, чтобы она касалась двух узлов, положил полоску змеиных чешуй между двумя другими – как биологический ключ, и нанёс тонкий след смолы по линии, имитируя ту самую “жильную” магию, что велась по скале. Всё это было делом рук и слишком давней тревоги:

“Если у тебя нет схемы, имитируй окружение.”

Он вспоминал электротехнику. Где тонкая жила – там больший ток... Где толстая – там источник. По его наброску толстая “жила” шла к центральному узлу. Там, у “сердца”, он аккуратно выкопал маленькую лунку и положил внутрь кристалл – как тестовый заряд. Положил так, будто кладёт батарею в старый фонарик. Сердце в груди у него забилося ровно – техника и ритуал встретились в одном действе.

“Алгоритм... – Думал он. – Сначала инициализация – это замыкание “А”. Потом установка уровня – мокрая тряпка на “В”. Затем биосигнатура – чешуя на “С”. После – нагрев “D”. И в конце – быстрый “импульс” на узел “А”.”

Он работал как скульптор и как администратор одновременно. Нежно... Расчетливо... Тщательно фиксируя каждую деталь. Пальцы его порезались о камень, голос шептал себе команды. Один неверный порядок – и он мог получить лёд у ног или пустой фальшивый эффект.

Первый запуск был почти комичным. Он коснулся палкой узла “А” – ничего. Прижал мокрую тряпку к “В” – узоры на палке дрогнули, но мир остался миром. Второй запуск, и чешуя на “С” – кристалл чуть тёплым отозвался внутри мешочка, как будто кто-то внутри куба усмехнулся. Третья итерация – он аккуратно поднёс к узлу “D” тлеющую смолу, задувая пламя. Воздух вокруг тронулся и запел каким-то старым голосом – и на мгновение, очень коротко, по линии, вычерченной им в пепле, пробежала светящаяся нитка.

Это было не открытие целой двери. Это было лишь то, что в программировании зовут “пинг” – слабый отклик от удалённого сервера. Но пинг означал одно. Система узнала его пакет. И в голову Кирилла тут же влезла мысль-радость админа:

“Есть контакт.”

Он продолжал. Менял порядок, как переставляют биты в слове. Пытался сделать “шумовую помеху”, держа мокрый свиток на узле перед подачей импульса, потом – наоборот – подогревая смолу там, где обычно была “тишина”. Его аналитический ум привычно читал ответы. Три лёгких шевеления – это подтверждение... Один длинный – отказ... Два коротких – готовность... Он выписывал в уме “логи”: $A \rightarrow B$ – “подтверждение”, $B \rightarrow C$ – “ошибка”, $C \rightarrow A$ – “подтверждение”, D – “плавка” – ответ “вибрация”.

На третий день, когда усталость уже подступала и язык заело от соли пота, он решился на импульсную попытку. Прodelал всё в нужном порядке. Мокрая тряпка... Чешуя вживую на правильной ветви... Смола разогрета до запаха карамели... Кристалл в чаше.. И он, с бьющимся сердцем, ударил палкой в узел “А” словно по клавише “Enter”.

Воздух буквально на мгновение стал плотнее, будто кто-то внезапно проглотил звук. Из пепла прокололся тонкий, эфемерный свет – не по-настоящему, не так, чтобы дверь отворилась, а так, чтобы сам каменный воздух вздрогнул, и где-то в глубине пещеры пронёсся звук, похожий на далёкий звон стеклянного колокола. Поверхность пепла, там, где он вычертил линию, побежала тончайшая трещина света, как если бы какой-то невидимый карандаш провёл черту.

Он не закричал от восторга. Так как накатившее на него чувство было тёплым и печальным одновременно. Он понял следующее. Воспроизвести рисунок с той скалы в принципе было бы возможно. Воспроизвести работу механизма – тоже можно, но только в микромасштабе. Его промоделированная “вышивка” дала локальную резонансную волну, слабее того, что он видел на скале, но реальную. Это означало, что замок опирается на сочетание структуры рисунка... Биологической подписи... И окончательной фазовой подстройки...

И была ещё одна реальность – цена. Когда волна прошла, то вокруг мокрой тряпки на секунду выпал тончайший иней, как будто ловушка холодом проверяла корректность. Он отдернул руку вовремя и лёд, не успев “схватить” его тело, расплылся в пар. Печать сработала – но в щадящем режиме. Система испытала его, не уничтожив.

По вечеру, сидя у углей, он убедился в ещё одном. Эта схема была воспроизводима, но требовала “ключа” – кристалла, или его аналога, чтобы поднять амплитуду резонанса. Без кристалла он мог вызвать лишь эхо. С ним – появлялась возможность заставить шевелиться стены. В голой пещере, среди костей и тлеющих углей, он впервые ощутил себя не только исследователем, но и создателем. Теперь у него был свой тестовый стенд.

Он аккуратно записал всё в памяти – последовательность, время пауз, запах смолы, температуру, положение чешуи. Его внутренний блокнот был заполнен:

“Итерация 1: А→В. Результат: дрожь. Итерация 3: А→В→С с кристаллом – резонанс 0.2. Итерация 7: полный контакт всё-таки не достигнут.”

И хотя он не открыл куб полностью в своей пещере, он добился гораздо более важного. Так как снизил риски. Теперь вместо того, чтобы лезть в чужую скалу под покровом ночи и надеяться, что за ней нет опасных чудовищ, он мог отрабатывать код дома, шлифовать последовательность, понимать логику, и лишь потом идти на источник со шнуром отладки.

Ночь неумолимо опустилась на эту местность, и Кирилл, уставший и счастливый, улёгся на новую подстилку. В голове звенел тихий набор состояний – завершённый тест, ожидающийся результат. В мире, где линии света плели ткань реальности, он научился читать и писать свои первые команды. И это давало ему самое простое из человеческих чувств – надежду...

.....

Парень сидел в своей пещере, освещённой лишь тусклым пламенем факела и мягким сиянием от найденных в хранилище кристаллов. В голове всё ещё звенело от осознания. Он шаг за шагом перебирал в памяти то, что произошло. Простое повторение узора – и он снова оказался в том самом кубе, словно ведущая в это пространство дверь не была привязана к месту, а к самому воспроизводимому символу узора.

– Значит, не суть важно, где я нахожусь... Главное, чтобы был сам рисунок... – Мысли осознавшего этот факт парня метались, словно воробьи под сводами пещеры. – Это не хранилище в скалах. Это отдельное пространство, которое можно открыть, фактически, где угодно...

Его дыхание участилось. Сердце ухало в груди, и в какой-то момент он не выдержал – рассмеялся нервно, почти срываясь на истерику. Взмахнул руками и ударил кулаком по каменной стене. Камень отозвался болью в костяшках, но парень даже не обратил внимания на это ощущение.

Ведь он уже понимал, что это была не просто удача. Это было настоящее сокровище, равного которому в его мире почти нет. Теперь он мог переносить с собой горы вещей, оружие, ресурсы. Всё, что угодно. Но главное – это не сумка, не коробка. Это мир внутри мира.

В голове вспыхнула безумная мысль о том, что если сам этот рисунок – ключ, то зачем оставлять его где-то, куда придётся возвращаться? Почему бы не сделать его частью самого себя?

Немного подумав, он вытащил из-за пояса нож, тот самый, что был найден рядом с лазероподобным оружием. Лезвие этого клинка слегка отливало холодным блеском, а в глубине стали пробегали мерцающие нити, словно он жил своей жизнью.

– На коже... Если я вырежу или вытатуирую узор на теле – он будет всегда со мной. Значит, я смогу открыть этот проход, где угодно... даже на бегу, даже в бою.

Но при этой мысли холод пробежал по спине. А если он ошибётся? Что тогда? Может, узор исказится и не откроет проход. Или хуже – пространство сомкнётся и вывернет его собственное тело наизнанку.

Тем не менее искушение было слишком велико. Немного помедлив, он всё же снял с себя рубашку, разложил её на камне, чтобы перед глазами был чистый холст. Снова достал уголь и медленно, тщательно вывел знакомые линии на груди, повторяя каждую деталь. Криво – стирал, начинал заново. Плечо затекало, пальцы дрожали, но он не позволял себе спешить.

Каждый штрих был похож на дыхание. Так как в этой ситуации именно точность решала всё. Сначала он хотел просто нанести рисунок на кожу углём. Но мысль о временности заставила его искать радикальное решение. Он нагрел лезвие ножа над огнём. Металл засиял красным, воздух наполнился запахом раскалённого железа.

– Если ожогом закрепить хотя бы контуры, узор станет частью меня...

В животе сжался ледяной ком. Пальцы онемели. Но сейчас он понимал, что это единственный способ убедиться, что у него всегда будет доступ к пространству. Он замер, держа лезвие над своей грудью, и впервые за долгое время почувствовал страх – настоящий, парализующий.

Но в то же время его сердце билось от предвкушения. Если всё задуманное им о получится, то он обретёт ключ к целому миру, спрятанному в себе самом. Но делать это раскалённым ножом... Всё же было немного страшновато. Поэтому Кирилл решил сначала воспользоваться чем-то менее болезненным. Да и прямо на груди делать подобный узор... Тоже не хотелось. Так как, при малейшей ошибке, у него не будет даже малейшего шанса к выживанию.

Надо сказать, что он долго собирался с духом. Сидел в полумраке пещеры, слушал, как капли воды роняют своё эхо с потолка, и сжимал в пальцах кристалл, выломанный из груди одного из поверженных чудовищ. Кристалл был прозрачным, но внутри его ходили темноватые нити, будто замёрзшие молнии. Он пульсировал в такт его сердцу, едва ощутимо отдаваясь теплом.

– Если уж что-то сможет оставить след – то только это. – Парень почти шептал сам себе. Он положил перед собой нож и факел, потом снял с руки бинты. Оголённая кожа предплечья казалась бледной, уязвимой, словно сама знала, что сейчас с ней сделают. Парень ещё раз в уме повторил линии узора, который и открывал проход в тот самый таинственный куб пространства. Закрыв глаза. С усилием воли отбросил сомнения и приложил острую грань кристалла к коже.

Первый штрих пронзил его тело жгучей болью. Он не ожидал, что будет так сильно. Кристалл будто не просто царапал, а вплавлял себя в ткань, оставляя ярко-красный след, похожий на ожог. Воздух тут же наполнился запахом палёного мяса, кожа зашипела, словно обжигалась углём.

Он скрипнул зубами, чтобы не закричать, и продолжил. Линия за линией, символ за символом. Рука дрожала, боль накатывала волнами, глаза застилала влага, но он не позволил себе остановиться. Каждая черта оживала на коже, будто раскалённое клеймо, постепенно складываясь в единый рисунок.

Когда он поставил последнюю точку, мир вокруг словно качнулся. Перед глазами мелькнули серебристые всполохи, как от удара молнии. Он резко втянул воздух, а потом понял, что рисунок не просто сидит на коже – он будто врос внутрь. Боль постепенно стихла, оставив после себя глубокую пульсацию, словно в венах поселился ещё один источник жизни.

А потом... Он провалился в сон без сновидений...

.....

На следующий день, проснувшись, первым делом посмотрел на руку. И не поверил глазам. Кожа была абсолютно чистая. Ни рубца, ни шрама, ни ожога. Будто всё, что он сделал, оказалось лишь дурным сном. Но стоило ему сосредоточиться, как узор вспыхивал прямо в его зрении – будто не на коже, а в самой сетчатке, в глубине глаз. Он видел его поверх мира, как отпечаток собственной души.

Попробовав воспроизвести жест, который делал в хранилище, он ощутил, как пространство вокруг вздрогнуло. Воздух перед ним загустел, словно стекло, и знакомый куб снова раскрылся. Только теперь переход шёл не от стены или пола, а прямо от его собственного тела.

В кубе тоже что-то изменилось. Он сразу заметил – воздух стал плотнее, наполнен лёгким звоном, как после сильного раската грома. Поверхности куба пульсировали мягкими волнами света, будто признавая в нём нового хозяина. На долю секунды у него мелькнуло чувство, что пространство теперь связано с ним самим, а не с каким-то внешним символом.

Потом он поднял руку, и узор засветился в его видении сильнее. Куб отозвался лёгкой вибрацией, как будто дышал вместе с ним.

– Теперь оно во мне... и я в нём... – Тихо пронеслось в голове. И впервые он ощутил настоящий трепет. Не от боли... Не от страха... А от понимания, что он стал связующим звеном с чем-то, что больше похоже на карманный мир. Парень вошёл в куб в очередной раз и сразу понял, что теперь он не тот, кем был прежде.

Раньше это было холодное каменное нутро, строго очерченное, будто коробка, наполненная чужими тайнами. Теперь же пространство разверзлось перед ним шире, глубже. Стены куба словно отодвинулись, а потолок исчез в туманной вышине, где мерцал тусклый свет, напоминавший о далёком небе. Воздух стал плотнее, гуще, как перед грозой – и каждый вдох отдавался не только лёгкими, но и всем телом, будто куб реагировал на его присутствие.

Он осторожно шагнул вперёд, и пол под ногами дрогнул – лёгкой, почти невесомой волной. Словно само пространство теперь подстраивалось под него. Впервые у него мелькнула мысль:

“А что, если куб не застывшее место, а живая система?”

Первое, что он заметил... В кубе стало больше места. В углах, где раньше теснились сундуки и кости странного существа, теперь открывались новые пустоты, словно добавилось дополнительное пространство. Ощущение было такое, будто само его тело, его кровь расширяли границы хранилища, как лёгкие, наполняющие грудь воздухом.

А потом он вспомнил кристалл. Осколок, которым он чертил узор. Он хотел достать его снова, но вместо этого ощутил странное. Кристалла больше нет. Никакой твёрдой грани в вещах, только едва уловимый холод в том месте на руке, где он вырезал символ. Будто тот просто... Впитался... В его собственное тело.

И тут его пронзила мысль – страшная и захватывающая. Размер куба может зависеть не от фиксированного узора, а от того, сколько силы он в него вложит. Сколько энергии сможет дать. И этот самый кристалл был лишь первой жертвой. Если всё обстоит именно так, то подобные возможности были безграничными. Хранилище могло стать чем угодно. Арсеналом... Мастерской... Убежищем... Библиотекой... И даже целым городом. Но опасность тоже была очевидной. Эта штука теперь питалась им. Куб не просто висел в пустоте – он был связан с его телом, его кровью. И если он вложит слишком много – что будет? Пространство растянется так, что начнёт пожирать его самого? Или, хуже того, порвёт связь и заберёт с собой кусок его души?

Парень попытался проверить границы. Он сконцентрировался, и стены действительно начали колебаться – расширялись, уходили прочь, будто подчинялись его дыханию. Внутри него тут же вспыхнула острая слабость, в висках застучала кровь, в глазах всё потемнело. Стоило отпустить – куб возвращался к прежнему размеру, а к нему приходило облегчение.

– Да, это моё... но это и пожирает меня. – Понял он. Теперь нужно было решить, что важнее. Удерживать куб в минимальной форме, экономя силы, или кормить его энергией, превращая в настоящую Вселенную. И впервые с этого момента он осознал, что это не просто находка. Это сделка. Он сам стал сосудом и ключом одновременно.

Первым делом он вернулся к той самой скале, где впервые нашёл вход. Сердце стучало быстро, но руки были твёрдые. Теперь он знал, что это место не должно остаться открытым. Кирилл достал каменный обломок и принялся методично царапать и сбивать узор, превращая тонкую “вышивку” в хаотичное месиво линий и сколов.

Каждый удар отдавался лёгкой дрожью – куб словно чувствовал, что его связующая нить обрывается. Когда последний штрих узора был стёрт, пространство вокруг стало ощутимо тише, будто заткнулась какая-то скрытая артерия. Кирилл выдохнул. Теперь только он обладал доступом к этому миру, узор был у него под кожей.

И тогда начались настоящие эксперименты. Сначала он решил попробовать простое – вещи. Он принес охапку сухих веток, пару камней, кусок кожи с убитого зверя. Вошёл в куб, бросил их на пол и тут же вернулся наружу. На воздухе он специально подождал полчаса, час, а потом вошёл снова. И что его удивило – всё внутри было в точности таким же. Ветки сухие, как будто он их только что положил, а кусок кожи не начинал пахнуть тухлятиной, как это происходило снаружи.

– Хранилище. Самое настоящее хранилище... – Глухо прошептал он, не веря глазам. А потом, слегка осмелев, он решил проверить дальше. Взял из своих запасов миску с горячим бульоном, который только что сварил на костре. Внутри куба поставил миску на пол и вышел. Подождал долго, специально – больше двух часов. Когда вошёл обратно, пар всё ещё поднимался над бульоном, запах был свежий, словно он снял кастрюлю с огня только минуту назад. И от осознания этого у него перехватило дыхание. Это было похоже на чудо.

Но на этом он не остановился. Под руку подвернулась живая ящерица, пойманная возле ручья. Кирилл, с сомнением и внутренним сопротивлением, всё-таки занёс её внутрь. Ящерица в тот же миг застыла – не мёртвая, не живая, словно перед ним была хрупкая статуэтка из живого камня. Он с ужасом смотрел на неё, потом вынес обратно. На воздухе зверёк мигнул глазами, дёрнул лапами и с визгом бросился прочь, будто ничего не произошло.

А Кирилл остался стоять, ошарашенный. Значит, внутри куба время стоит. И с каждой новой проверкой картина становилась яснее. Куб позволял ему самому жить и двигаться, но всё остальное попадало в стазис. Это было благословением и проклятием одновременно. Он мог хранить еду бесконечно долго, вещи не теряли свойств, но любое живое создание – зверь или, может быть, человек – застывало, словно в ловушке вечного сна.

И тут его охватила тревога. Если куб питался его энергией, значит ли это, что однажды и он может “остановиться” в нём? Что граница между хозяином и пленником может однажды стереться? И в его груди заныло от ощущения, что он держит в руках инструмент невероятной силы – и такой же невероятной опасности.

Он не мог больше относиться к кубу как к игрушке – это был инструмент, и инструменты требуют испытаний. Наутро, когда свет медленно распространял свои ленивые “пальцы” по скалам, Кирилл уже собрал всё необходимое. Уже обработанные шкуры... Все свои запасы сушёного мяса... Пару готовых копий и ножей, обмотанные кожаными ремнями... Самодельную миску... Горсть смолы в кожаном мешочке... Пару камней, оставшихся от его работ... И, с особой осторожностью, странный “пистолет”, который ещё вчера показал ему тончайшую нить разрушительной точности...

Он вошёл в куб не в охотничьих мотивах, а как кладовщик. Порядок... Нумерация... Система хранения... Подошёл к месту, где пространство ему казалось наиболее устойчивым, разложил на ровной площадке шкуры – ровные пластами, как страницы книги. Затем поставил миску и аккуратно положил напиток, ещё дымящийся от костра. Всё это он делал точно, как человек, раскладывающий инструменты по ячейкам. Ножи к северу... Копья к югу... Пища в глубине... Всё, что касается выживания, вроде запасов дров, веток, и сухого мха – ближе к выходу.

Первое и главное испытание было простое и прагматичное. Выдержит ли куб постоянную нагрузку, массу вещей, и как отразится всё это на нём самом. Он заносил по одному предмету, делал паузу, выходил наружу, ждал, затем возвращался и осматривал. Так он пронёс внутрь полторы охапки дров, три связки съестного, семь перепёлок, два мешка с сушёной травой, оружие и остатки инструментов.

Сначала казалось, что ничего не меняется. Вещи лежали точно там, где он оставил, их запах не изменялся, металл на ножах не тускнел. Но при очередном заходе он заметил нечто тонкое. Куб слегка “посвистывал”. Всё это было не слышно ушами, а отдавалось где-то в теле. Глубоко, как натянутая струна. В груди у него вздрагивало. Он понял, что каждая крупная кладь требует платы. Когда он пронёс внутрь тяжёлое копье с металлическим древком, по телу прошла волна утомлённости – не простая усталость, а такое ощущение, будто кто-то забрал у него часть тепла. Он сел на пол и прислушался – сердце билось ровно, но в руках и ногах появилась краткое ощущение тяжести.

Это было знаково. Куб мог расширяться. Но именно за счёт его собственных сил. Он перешёл к более тонкой дисциплине – учёту и очереди. Разместил на “полках”, которые сам вычертил мысленно, вещи по категориям. На переднем ряду – оружие и инструменты... В глубине – пища... По бокам – вещи для ремонта и запчастей... В одном уголке – “опасные” предметы, вроде пистолета и кристаллов, складывались отдельно, завернутые по-отдельности в кожу и мешки. Он привязал кусочки ткани и ветви как бирки, пометил углы угольными штрихами, чтобы не забыть, где и что хранится.

Дальше – начались более долговременные тесты. Он на три дня оставил в кубе несколько самодельных мисок с супом, из местных ингредиентов и дикого чеснока, и связок свежего мяса, и в эти три дня выходил на охоту, возвращался, но не открывал куб целыми днями. Каждый раз, когда входил – еда была как свежая. Мясо не давало запаха порчи. Металл оставался таким же. Даже треснувшая кость, которую он бросил туда “на пробу”, не изменяла структуру. Даже дикий чеснок, который он отложил “на потом”, не потерял аромата и свежести. Ящик с лекарствами, пара кусочков мха и высушенных листьев, сохранил цвет и аромат.

Затем он прошёл эти же опыты с предметами живыми – и это открыло другой, мрачный лист бумаги. Маленькая мышь, пойманная рано утром, при входе в куб застыла. Он держал её в руке, чувствовал, как сердце зверька перестало биться, но при переносе наружу через час она опять дёрнулась, как будто проснулась от долгого лежания в холодной горсти. То же случилось с более крупной птичкой – она буквально зависла между моментами, как кадр в фильме, выдержанный над пламенем.

Побочный эффект стал очевиден. Для всех живых существ, кроме него самого, активировавшего узор прохода, куб – это стазис. Вещи не портятся. Живые – “замерзают” во времени. Это давало ему определённые преимущества. Так как там можно сохранять съестное. Можно “заморозить” раненого до прихода лечения. Можно держать опасные трофеи в безопасности. Но это же и угроза. Так как если, по какой-либо неосторожности, в куб попадёт друг, то человек остановится и не проснётся, пока Кирилл не вынесет его наружу.

Он провёл ещё один эксперимент, ради которого дрожал. Поставил в коробку небольшой чехол с кусочком живой кожи – обрывок, ещё тёплый – и выдержал час. Отнёс наружу. Кожа оставалась холодной, но при соприкосновении с его ладонью начинала дрожать и воз-

вращать тепло. Это подтвердило, что стазис не равен смерти, но в нём есть риск – длительное “хранение” может привести к непредсказуемым побочным проблемам. Возможно даже к мутациям. Вдруг там ткани при долгом пребывании теряют эластичность? Цвет может потускнеть? А кости – станут хрупкими? Этого он не знал. А проводить подобные эксперименты ему было просто не на ком.

Самый тревожный тест он провёл с оружием. Пистолет, тот самый “лазер”, он положил в середину куба и вернулся через сутки. Достав его, он осторожно проверил. Прибор работал, как и прежде. Испускаемый им луч оставался тем же, точным и смертельным. Значит, куб не “пожирал” энергию предметов, хранящих заряд, и не нейтрализовал механизмы – он просто помещал их в том состоянии, в котором их оставили. Это было и хорошо, и опасно. Можно хранить боеприпасы и электронику, но при извлечении их можно использовать сразу – и это привлечёт внимание.

Больше всего его встревожило другое наблюдение. Чем выше была масса вещей, тем сильнее куб требовал энергии от него. Он попробовал “покормить” куб дополнительной энергией – взял одно из мелких магических “зёрен” кристаллов, что оставались у него, и приложил к своей “татуировке-узору”. Сверху он почувствовал прилив сил, и куб открылся шире, раскрыв ещё пару кубометров свободного и доступного пространства. Но цена была видна на следующее утро. У него слегка кружилась голова, появились черные круги перед глазами, а палец, приложенный к металлу, казался ледяным. Кристалл полностью погас – его сила истощилась, растворившись в объёме хранилища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.